

Остров Пингвинов

Автор:

Анатолий Франс

Остров Пингвинов

Анатолий Франс

«Остров Пингвинов» – великая раблезианская сатира Анатолия Франса, в которой в гротескном, а порой издевательском тоне описана история Франции.

Остров Пингвинов

Анатолий Франс

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Анатолий Франс, 2021

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2021

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2021

ISBN 978-5-4496-7802-7

Прелюдия

Несмотря на кажущееся разнообразие и обилие доступных развлечений, которые подобно магниту притягивают меня, окружая со всех сторон, моя жизнь имеет отныне только один смысл и только один объект, достойный моего пристального внимания и находящийся в центре моих высших интересов. Она вся обращена к выполнению великого замысла! Не буду вас томить! Да-с! Я пишу историю Пингвинов! Я усердно работаю над этой актуальной для человечества проблемой, ни на секунду не расслабляясь, всё более вращаясь в моё старое, продавленное кресло и не позволяя себе откладывать в долгий ящик частые трудности, которые подобно скалам на горизонте, иногда встают на пути, и по не зависящим от меня обстоятельствам порой кажутся совершенно непреодолимыми.

Я рыл землю, я грыз её зубами, чтобы обнаружить погребённые памятники этого великого народа. Первые книги людей, как вы знаете, были камнями. Я изучил камни, которые можно считать примитивными летописями Пингвинов. Я отыскал и обшарил на берегу океана незримый Курган Пингва, я нашел там, как обычно случается в таких затхлых местах, миниатюрные кремневые топоры, зелёные бронзовые мечи, будто зубами буйных драконов изгрызанные и исцарапанные, истёртые до дыр римские монеты, частью целые, а частью с аккуратными отверстиями по краю для удобства ношения на шее, и даже, о чудо, двадцать серебряных дирхемов в проеденном молью чучеле Людовика-Филиппа I, знаменитого короля франков, заброшенного туда неведомым каким ласковым ураганом.

Что касается доисторических времён, то тут мне оказала огромную, воистину неоценимую помощь замечательная «Хроника» Йоханнеса Ван дер Тальпы Четырнадцатого, настоятеля Бергарденского иезуитского монастыря Трижды Девственных Кармелиток Седьмого Дня Презумпции Господней. Из этого целительного и поныне не иссякающего источника я напился вина божественной мудрости и берёзового сока неоспоримых фактов, и тем почти утолил свою безграничную жажду кармических познаний, тем более, что никто не обнаружил другого источника, столь чудесно описывающего многосложную историю

древнего Пингвиньего Народа, Народа столь причудливо расцветшего во времена Высокого Средневековья и даже Кватроченто на не засыхающем древе Матушки Природы.

Мы обладаем более богатой информацией о Пингвинии, я буду так это называть, начиная с XIII века, и чем богаче наши сведения, тем более несчастливы мы от того. Великие умы человечества знают – очень трудно написать внятную, связную и правдивую историю. Это почти невозможно! Мы никогда не узнаем в живых картинах и деталях, как всё произошло, и с ростом нашего знания, наваливающегося на нас катастрофическим обилием документов, смущение и коллапс в умах историков растёт. Когда факт известен благодаря только одному свидетельству, благодаря одному артефакту, он признается практически всеми без особых колебаний. Но стоит только появиться историческому факту из двух источников, как гармоничная картина пингвиньего мира рушится на глазах. Недоумение начинается, когда события сообщаются двумя или более свидетелями, потому что их показания всегда противоречивы и всегда немыслимо некомплементарны, амбивалентны. Таким образом мы почти всегда являемся жертвой культурного дуализма! Иногда агрессивного, воинствующего дуализма, осмелюсь вам сказать!

Возможно, научные причины, чтобы предпочесть одно свидетельство другому, иногда бывают очень сильны. Их никогда не бывает достаточно, чтобы преодолеть наши человеческие страсти, предрассудки, шкурные интересы, чтобы убрать из научного дискурса эту неизбежную лёгкость ума, я бы сказал, его легкомысленность, общую для всех серьёзных, вдумчивых, склонных к анализу людей. Поэтому, будучи пристрастны по своей природе, мы постоянно представляем исторические факты либо слишком ангажированными, либо слишком легковесными

Я несколько раз на конференциях и симпозиумах делился своими наработками с несколькими известными учёными-археологами и палеографами моей страны и многих зарубежных стран, и сетовал им на то, что испытываю огромные трудности с составлением Общей истории Острова Пингвинов. Я вытерпел их презрение и вытер с лица и ушей их ядовитые плевки. Я не умер от их укусов, и не все члены мои были переломаны их подножками. Они все как на подбор смотрели на меня с жалким подобием улыбки, которая, казалось, говорила:

«Ну что? Мы пишем историю, да? Вы так всерьёз полагаете? Разве мы пытаемся извлечь из текста, документа, артефакта малейший кусочек жизни или истины?

Нет! Мы просто публикуем тексты! Прямо так! Мы придерживаемся буквы! Наука рождена методикой! Буква даёт основание под наши измышления! Буква, текст – это Закон! В основе всего лежит Фиксация! Фик! Са! Ция! Ум не нужен! Идеи – это всего лишь человеческие фантазии ми бредни! Не надо тратить силы напрасно! Чтобы написать историю, нужно всего лишь иметь воображение!»

Всё это сквозило во взглядах и двусмысленных улыбках наших мастеров палеографии, и беседа с ними меня глубоко обескуражила. Однажды, после разговора с выдающимся сигиллологом, Анри Пердо, когда я был ещё более сбит с толку, чем обычно, мне в голову внезапно пришла странная мысль. Я подумал:

«Тем не менее, ведь есть же где-то истинные историки! Не могла же эта высокая раса исчезнуть с лица земли без следа! В Академии Нравственных Наук наверняка сохранились хотя бы пять-шесть штук. Там наверняка токуют небожители! Они не публикуют тексты! Они пишут Историю! Историю с Большой Буквы! И уж точно ни один из них ни не скажет мне, что занятия таким делом – пустая, нелепая забава!»

Эта мысль поддержала мой падающий дух и подняла мою поверженную, исцарапанную когтями недоброжелателей смелость!

На следующий день (как говорится, или на завтра, как теперь говорят в научных и художественных кругах) я представился одному из них, тонкому изящному старику, сидевшему в небольшом, уютном кабинете, водрузив огромные очи на крючковатый нос. Придерживая мозолистым пальцем перо за мясистым ухом, он уставился на меня змеиным взором.

– Полагаясь на ваш опыт, сэр, – сказал я, – я пришёл просить у вас вашего совета... Я очень плохо пишу историю, у меня пока ничего не получается, и я ничего не могу поделать с этим.

Он ответил, слегка пожав плечами:

– Что ж, мой бедный мальчик, если вам так больно, то зачем сочинять историю, когда можно только копировать самые известные сочинения и факты, как это принято? Кто вас заставляет ходить по буеракам и косогорам, продираясь сквозь колючки, когда есть широкий путь? Если у вас новый взгляд, оригинальная идея, если вы представляете людей и вещи в неожиданном виде,

вы и так удивите читателя! А читателю не нравится удивляться. Он никогда ничего не ищет в истории, кроме глупостей и побасенок, о которых он уже слышит из церковных календарей. Если вы попытаетесь обучить его, вы этим станете утверждать, что он глупец, и этим вы только унижите и разозлите его. Не пытайтесь просвещать его, он будет кричать, что вы оскорбляете его устоявшиеся убеждения! Историки копируют друг друга. Клонировать и закреплять факты! Таким образом, они избавляются от усталости излишних раздумий и избегают выглядеть белыми воронами. Имитируйте их, постарайтесь быть похожими на них, и никогда не будьте оригинальны! Оригинальный историк является объектом всеобщего недоверия, презрения и даже отвращения! Его все отвергают, отовсюду гонят, лишают прокорма и могут даже убить! Поверьте мне, старику, сэр, – добавил он почти со слезой на глазу, – Неужели вы склонны думать, что я смог бы добиться такого уважения и почёта, такого тёплого кабинета и такого большого кресла, если бы мои книжные сочинения были нашпигованы разными новинками? И что такое новинки? Дерзости! Плевки в лицо морали! Пощёчины обществу! Не более того-с!

Он снял очки, вынул перо из-за увядшего огромного уха и встал. Я поблагодарил его за благородство и прямоту и когда открывал дверь, чтобы выйти, он напомнил моей спине:

– Ещё одно словечко напоследок! Если уж вы хотите, чтобы ваша книга была хорошо воспринята, не упускайте возможности возвысить в ней рядовые гражданские добродетели, на которых основано процветающее общество: преданность Богатству, Почтение к Чинам, Благочестивые Чувства Преданности и Патриотизма и, в частности, смирение Бедного Человека – все они являются основой Порядка и Гармонии в здоровом, зрелом обществе! Подтвердите, сэр, своим словом, что истоки Собственности, Дворянства, Жандармерии будут рассматриваться в вашей истории со всем уважением, пиететом, которого достойны эти благородные учреждения. Дайте знать, что вы признаёте влияние сверхъестественных, тайных сил на течение исторического процесса, покажите всем, как, когда и где они проявляются во всём своём величии. В таком случае вы несомненно добьётесь успеха, ну, если ещё и окажетесь в правильной компании в нужное время!

Я размышлял над этими замечаниями и в дальнейшем учёл их больше всего, что пошло мне на пользу.

Я не буду рассматривать здесь Пингвинов до момента их обращения!

Согласитесь, что правильно, если они начинают принадлежать мне, как объекты исследования, только после того, как выходят из Царства Зоологии, чтобы войти в Королевство Истории и Богословия. До этого они были просто «пингины», ведь именно благодаря горнему наущению и великой силе любви великий святой Маэль превратил их в людей, но это еще не всё, потому что и сегодня этот термин может привести нас к известной путанице.

Мы называем «пингином» (*pingouin* – на французском языке) птицу арктических районов, принадлежащих к семейству Альцидовых, мы относим Пингина к типу Сфенисцидов, обитающих в антарктических морях. Так, например, г-н Г. Леконте в его донесениях о поездке на «Бельгиуме» заявлял: (Примечание: «Г. Леконте в Стране Пингинов». Брюссель, 1904, Ин-8°) «Из всех птиц, населяющих Герлакский Пролив, пингины, без всякого сомнения, конечно – самые интересные существа. Их иногда называют, но совершенно ошибочно, «южными пингинами или маншотами. В свою очередь Доктор Джей-Би-Чаркот, напротив, утверждает, что настоящие и единственные пингины – это те самые антарктические птицы, которые мы называем маншотами, и делает при этом весьма уместную ссылку на голландцев, которые прибыв в 1598 году на мыс Магеллан, тогда —то и дали закрепившееся за птицами название «*pinguinos*», вероятно, из-за их жира, и общего тучного строения тела. Но если «маншоты» называются «пингинами», как теперь мы будем называть «пингинов»? Доктор Джей-Би-Чаркот не говорит нам об этом почти ничего, и об этом он, похоже, беспокоится меньше всего на свете (Примечание: Джей-Би-Чаркот, журнал французской Антарктической Экспедиции 1903, 1905. Париж, Ин-8°)

Ну! Пусть пингины возвратят себе историческое название или вновь будут им названы, это не столь важно! это Важно то, что это случилось и все с этим согласны!

Дав им надлежащее имя, он приобрел право изучать их. По крайней мере, это позволило Северным пингинам в полной мере оставаться пингинами. Уже потом в научный обиход войдут пингины с юга и с севера, Антарктики и Арктики, Альцидовые (или старые пингины) и Сфенисциды (или старые маншоты). Возможно, это способно ввести в смущение орнитологов, которые хотят описывать и классифицировать перепончатокрылых, они, вероятно, задаются пустопорожним вопросом, действительно ли одно и то же имя подходит для двух семейств, которые находятся на разных полюсах и отличаются друг от друга лишь несколькими деталями строения тела, включая

клюв, плавники и лапы. Что касается меня, то я очень сильно смущён этой удручающей путаницей. Между моими пингвинами и пингвинами Джей-Би-Чарко скорее больше сходств, чем видимых различий! Как те, так и другие отмечены серьёзным, спокойным видом, комическим достоинством, уверенным поведением при знакомстве, потрясающей любознательностью, интересом к политическим событиям и течению общественной жизни. Они миролюбивы, говорливы, жаждут зрелищ, заняты до одури государственными делами и, возможно, немного завидуют высшим качествам, свойственным человеку – тщеславию и прелюбодеянию.

Мои Гипербореи, по правде говоря, имеют плавники, не чешуйчатые, но покрытые маленькими лёгкими пёрышками, хотя их ноги косолапы немного меньше, чем у южан, они также ходят, горделиво задрав голову, раскачиваясь всем телом с таким достоинством, с таким вальяжным видом, какому позавидовали бы Римские аристократы, и их возвышенный клюв (торчащий вперёд, как кость), явился причиной ошибочного вывода, когда подслеповатый апостол опростоволосился, приняв пингвинов за людей!

Эта работа принадлежит, я должен признать, жанру старой истории, той, которая представляет собой кучу событий, нанизанных на одну нить, событий, память о которых сохранилась, и которая, насколько это возможно, указывает на причины и последствия, что делает моё повествование скорее искусством, чем наукой. Мы утверждаем, что этот способ более не удовлетворяет умы, склонные к досужей точности, и что благодаря им древняя Клио сегодня превращается в говорливую гадалку. И в будущем, может быть, появится более отшлифованная история, история, демонстрирующая истинные условия жизни, история таким образом способная научить нас тому, что такой-то народ в такое-то время производил и потреблял во всех формах своей жизнедеятельности. Эта история будет не искусством, а наукой, и это повлияет на точность, которой так не хватает древней истории. Но, чтобы воссоздать себя, она нуждается в множестве статистических данных, которые до сих пор отсутствуют даже касательно людей, не говоря уж о пингвинах. Не исключено, что современные народы когда-нибудь обретут свод такой истории. Что касается ушедшего человечества, то, боюсь, нам всегда придётся довольствоваться старомодным, пошлым повествованием. Интерес к подобному повествованию в основном зависит от проницательности и добросовестности рассказчика.

Как сказал великий писатель Альки, Алькинестр Великолепный, «жизнь людей —это ткань из преступлений, несчастий и безумия». Это касается не только

Божественной Пингвии, но и многих других стран, однако история Пингвинии способна предложить нашему вниманию страницы, способные исторгнуть у читателей не только спонтанные слёзы, но и искреннее восхищение, и будет содержать части, которые я надеюсь скоро представить пред очи исследователей.

Пингины долго воевали. Один из них, Джасквит, философ, изобразил их характер в небольшой картины нравов, которые я воспроизвожу здесь, и что, несомненно, мы узрим не без удовольствия:

«Мудрый Грациан бродил по Пингвинстейту во времена последних Драконилов. Однажды, когда он проходил через прохладную долину, где колокола звенели в чистом воздухе, смешиваясь с голосами коров, он сел на скамейку у подножия дуба, рядом с копной соломы. На пороге женщина кормила ребенка грудью, и юноша игрался с большой собакой, а слепой старик, сидя на Солнце, поджав губы, пил мёд дневного света.

Хозяин дома, молодой и крепкий с с виду молодой человек, предложил Грациану хлеб и молоко, дабы подкрепиться.

Философ, из страны Морских Свиной, с радостью принял эту трапезу и, насытившись, обратился к окружающим.

– Любезные жители этой милой страны, я благодарю вас! – сказал он, – Здесь все дышит радостью, согласием и миром!

Когда он говорил это, прошел пастушок, наигрывая на своей свирели какой-то бравурный марш.

– Что это за какофония? – спросил Грациан.

– Это гимн войны с Морскими Свиньями, – ответил крестьянин, – Здесь все знают и поют его! Маленькие дети знают его прежде чем научатся говорить. Мы все хорошие, верные родине Пингины!

– Вам не нравятся морские свиньи? – спросил его Грациан.

– Мы ненавидим их! – ответил добродетельный пастушок.

– Почему вы их ненавидите? – удивился Грациан.

– Вы спрашиваете? Разве морские свиньи не соседи Пингвинов?

– Без сомнения!

– Вот почему Пингвины ненавидят Свиней!

– И это всё?

– Конечно! Говоря слово «Сосед», ты произносишь слово «Враг»! Посмотрите на поле, соприкасающееся с моим. Это поле принадлежит человеку, которого я ненавижу больше всего на свете! Вслед за ним мои злейшие враги – люди из его деревни, той, которая поднимается на другой берег долины, вон там, у подножия той берёзовой рощи. В этой узкой долине, закрытой со всех сторон, есть только две деревни: его деревня и моя – они враги. Каждый раз, когда наши ребята встречаются с теми, кто перед нами, они обмениваются руганью и палками. И вы хотите, чтобы пингвины не были врагами свиней!? Значит, вы не знаете, что такое патриотизм? Для меня есть два крика, которые вырываются из моей груди: «Да благоденствуют Пингвины!», «Да сдохнут все свиньи!»

В течение тринадцати столетий пингвины воевали со всеми народами мира с постоянным пылом и с различны успехом. Затем в течение нескольких лет они отвращались от всего, что они так долго любили, и демонстрировали всё более возраставшее предпочтение мирной жизни, которое они выражали хотя и с достоинством, но с самым искренним пиететом. Их генералы хорошо справились с этим новым умонастроением, вся их армия, офицеры, унтер-офицеры и солдаты, призывники и ветераны, с удовольствием соблюдали это, только некоторые фитюльки и бумагомаараки вкуче с тыловыми книжными крысами втайне возмущались жаловались на это, находя полное понимание только у безлапых и бескрылых инвалидов, всегда накаченных истинным патриотизмом.

Этот же Жако-философ сочинил некое моральное эссе, в котором он в комичном и чересчур гротескном виде представлял различные действия людей, и в нём

сквозь ткань повествования просвечивали черты истории его собственной страны. Несколько человек спросили его, почему он написал эту фальшивую историю и какие блага она, по его мнению, несёт его Родине?

– Очень большие! – дерзко ответил философ, – Когда они увидят свои поступки в их истинном свете и таким образом лишатся льстивого тщеславия, Пингвины проветрятся свои головы, будут судить обо всём этом лучше и, возможно, в конце концов станут даже чуть мудрее.

Я бы хотел, чтобы в этой истории ничего не было опущено- из того, что может заинтересовать Настоящего Художника. В ней есть глава о Пингвиньей живописи в Средние Века, и если эта глава менее полна, чем я желал бы, в этом вовсе нет моей вины, и мы сможем убедиться в этом, прочитав ужасный рассказ, которым я заканчиваю это велеречивое предисловие.

Идея пришла ко мне в июне прошлого года, и состояла в том, чтобы проконсультироваться о происхождении и прогрессе искусств у Пингвинов у покойного г-на Пургениуса Тапира, ученого автора универсальных летописей о живописи, скульптуре и архитектуре разных частей мира.

Войдя в его рабочий кабинет, я обнаружил г-на Пургениуса сидящим перед цилиндрическим столом, почти невидным под жутким скоплением бумаг, и это был чудесный близорукий маленький человечек, чьи веки таинственно мерцали за золотыми очками.

Его вытянутый, подвижный, как пиявка, нос, обладавший изысканными формами, непрерывно изучал чувственный мир вокруг. Этим органом Пургениус Тапир контактировал с искусством и красотой. Уже давно отмечено, что во Франции чаще всего музыкальные критики глухие, а художественные в массе своей – слепые. Это позволяет им предаваться благолепному самоистязанию, необходимому для выдувания новых эстетических идей. Вы в самом деле готовы поверить, что эти умные глаза, вооружённые мощными увеличительными линзами, способны воспринимать формы и цвета, которыми окутывает нас таинственная природа? Пургениус Тапир уже давно парил над горным кряжем печатных и рукописных листков, готовясь добраться до кульминации доктринального спиритизма и в деталях разработал мощную эгрегорную теорию, которая объединяет Искусства всех стран и всех времен в Планетарном Институте Франции, знаменуя вершину Цивилизации и Прогресса!

Стены рабочего кабинета, пол и даже потолок несли, содержали и копили переполненные пачки, необычайно раздутые картонные коробки и папки, свёртки, в которых переплеталось бесчисленное множество свежих и уже пожелтевших от старости листов, и я с невольным восхищением с ужасом наблюдал за этими небесными хлябями, готовыми каждую секунду обвалиться на наши головы!

– Учитель, – произнёс я дрожащим голосом, – я прибегаю к вашей доброте и знаниям, как к неисчерпаемым кладовым Вселенной и Господа! Разве вы не согласились направить меня на путь истинный, стать моим поводырём в моих трудных поисках и исследованиях о происхождении Искусства Пингвиного Царства?

– Сэр, – ответил мне хозяин, – я владею всем искусством мира, вы меня слышите, всем искусством мира по алфавиту и по порядку артефактов! Я просто обязан предоставить вам то, что касается Пингвинов. Поднимитесь по этой лестнице и вытащите вон ту коробку, которую вы видите вон там! Там вы найдете всё, что вам необходимо по этой проблеме!

Я повиновался, дрожа. Но едва я открыл роковую коробку, как из неё вырвались синие картонные листки и, скользя между моих пальцев, дождём посыпались вниз. Почти сразу же, словно по мановению волшебной палочки, распахнулись соседние коробки, и из них потекли ручьи розовых, зеленых и белых карточек, и наконец из всех коробок хлынули разноцветные листки, как в апреле струятся водопады на склоне гор. Через минуту карточки уже покрывали пол толстым слоем резаной бумаги. Из неиссякаемых папок, источников невероятного знания, с постоянно нарастающим шумом и воем, вниз стремился всё возрастающий цветной поток, уже закрутивший карточки в быстром водовороте.. Опустившись на колени, Пургениус Тапир, вращая внимательным пьявочным носом наблюдал за катаклизмом, он осознал масштаб катастрофы и побледнел от ужаса.

– О бренный мир моих Искусств! – воскликнул он.

Я воззвал к нему, наклонился, чтобы помочь подняться по лестнице, прогнувшейся и вибрировавшей под нескончаемым шелестящим бумажным ливнем. Но было слишком поздно. Теперь, ошеломлённый, отчаявшийся, плачущий, потеряв бархатную шапочку и золотые очки, он тщетно сопротивлялся бумажному ливню и картонному грому свои коротким ручонками, которые тщетно вздымал до подмышек к незримому небу. Внезапно раздался

страшный грохот, окативший нас гигантским вихрем. На секунду я увидел в клубящемся пропасти, среди вихря картонок лоснящийся, отполированный до блеска череп ученого и его маленькие жирные ручки, затем пропасть захлопнулась, и потоп хлынул вниз, поглотив всё на своём пути. Понимая, что и меня может поглотить эта безжалостная бумажная бездна, уже накрывшая остатки шкафов и лестницу, я убежал через слуховое окно, которое едва успел разбить головой.

Книга Первая. Зачатки Происхождения

Глава Первая. Житие Святого Маэля

Маэль, единственный отпрыск королевского семейства Камбрии, был отправлен в Ивернское аббатство уже на девятый год жизни для светского и духовного учения. В четырнадцать лет он отказался от трона и возжелал служить одному только Господу. Он делил своё время, согласно учению, между пением гимнов, изучением грамматики и медитацией вечным истинам.

Небесный аромат истинной веры вскоре проник в монастырь, возвещая о растущей добродетели этого религиозного фанатика. И когда счастливый Гал, настоятель Иверна, благополучно перешёл из этого мира в мир иной, юный Маэль тут же сменил его и занял его место в монастырском конклаве. Он отстроил школу, лазарет, гостевой дом, кузницу, всевозможные мастерские и верфи для строительства кораблей, и заставил монахов истошно расчищать земли вокруг, как будто воспылал идеей насадить на земле копию Райского Сада. Он высаживал из своих рук деревья в саду аббатства, работал с металлами, обучал новичков всяким премудростям, и его жизнь плавно текла, как река, отражающая небо и несущая урожай плодоносным пажитям и земным нивам.

В тот час этот несравненный слуга Божий, как правило, сидел на скале, в месте, которое до сих пор называют Стулом Святого Маэля. У его ног громоздились скалы, похожие на чёрных драконов, поросшие спутанной бахромой зелёных водорослей и лохматых седых мхов. Они громоздились вокруг, высовывая

из бунтующего моря чудовищные рёбра и зубы из пастей зловонных стихий. Он смотрел, как Солнце медленно опускается в океан, как красный цвет своей славной венозной кровью наполняет облака неба и окрашивает вершины высоких волн. И святой человек видел в красочной мистории неба образ тайны Креста, через который божественная Кровь окутала землю царским пурпуром. Вдали, там, где мерцали берега острова Гад, где святая Бригида, получившая постриг на острове Мало, управляла женским монастырём, меркла линия тёмно-синего цвета.

И вот Бригида, прослышав о несравненных достоинствах и широчайших умениях почтеннейшего Маэля, попросила его поделиться чем-то необычным и божественным, но только из его рук. Святой Маэль сам лично сделал для неё маленький медный колокольчик, и когда он был закончен, он благословил его и бросил в море. И звон колокольчика полетел к берегу Острова Гада, где святая Бригида, предупреждённая медным звуком о прибытии подарка, благочестиво приняла его, и, следуя за дочерьми господними, впереди торжественного шествия понесла его, с пением святых псалмов, дабы доставить в часовню Мустье.

Таким образом, святой человек Маэль шёл от одной добродетели к другой. Он уже прошёл две трети своего жизненного пути, и надеялся мягко достичь своего земного конца в тихой заводи, в тени своего благоустроенного монастыря, среди своих духовных братьев, верных учеников, когда узнал, что божественная мудрость решила всё совсем иначе, и что Господь призвал его к менее мирным, но не менее достойным делишкам.

Глава II

АПОСТОЛЬСКОЕ ПРИЗВАНИЕ СВЯТОГО МАЭЛЯ

Однажды, когда он шел, размышляя, по берегу Тишайшей Бухты, где подобно яйцам Господним лежали большие белые валуны, между которыми бесновалось жестокое море, с этой дикой дамбы он увидел каменное корыто, которое плясало на волнах, как одинокая лодка, потерянная кем-то в бурном океане.

Именно в подобном сосуде святой Гирк, великий святой-просветитель Коломбан и невероятно много религиозных паломников из Шотландии и Ирландии пошли евангелизировать провинцию Арморику. Буквально на наших глазах святая Авойя, приехавшая из Англии, поднималась по реке Ор в розовом гранитном саркофаге, который позже местные аборигены нарекли «Ступой», и в которой много позже они будут держать детей, дабы они росли крепкими и здоровыми; святой Вуга по свидетельству современников, проснувшись от вековой спячки, переходил в Корнуолл вообще на скале, чьи осколки, сохранившиеся в огромном Паноптикуме Пенмарше, способны исцелять больных паломников от огненной лихорадки, когда они возлагают на него головы; Сен-Самсон подошёл к бухте Мон-Сен-Мишель в гранитной ванне, которую однажды назовут Пеньюаром Святого Самсона. Именно поэтому при виде этого каменного корыта святой Маэль понял, что Господь предназначил его для апостольского служения у язычников, которые до сих пор населяли людные бретонские берега и острова.

Он передал свой фирменный ясеневый посох святому человеку – Будоку, поручив ему суперсложную миссию управления Святым Аббатством. Затем, снабженный лишь хлебом, бочонком пресной воды и книгой Святых Божественных Евангелий, он вошёл в каменное корыто, который мягко доставило его на остров Гедик.

Что можно сказать о сём таинственном острове? Остров постоянно сотрясается вольными, пронизывающими ветрами. Бедные рыбаки глушат рыбу в расщелинах между скал и страшными усилиями выращивают овощи в огородах, полных песка и гальки, защищенных сухими каменными стенами и изгородями из благородного тамариска. Красивая, необычайно огромная смоковница возвышается над центром острова, широко раскинув над округой свои мощные когтистые ветви. Жители острова всегда обожали её, превозносили и почитали как местную святыню.

И сказал им святой человек Маэль:

– Вы обожаете это дерево, потому что оно красиво! Так что вы, похоже, чувствительны к красоте! Я пришел, чтобы открыть вам скрытую красоту мира! Красоту, которую вы пока не узрели!

И он стал учить их Евангелию. И, обучив их, как следует, он крестил их солью и водой.

В то время острова Морбианского архипелага были много больше, чем ныне. Потому что с тех пор многие из них целиком погрузились в море. В целом Святой Маэль нёс Благую Евангельскую Весть аборигенам более чем шестидесяти островов! Затем, в своем гранитном корыте, он поднялся вверх по реке Ор. И после трёх часов плавания он ступил на землю перед неведомым римским домом. С крыши дома поднимался лёгкий дымок. Святой человек преступил порог, на котором была чудесная мозаика, изображавшая собак, вытянувших хвосты и ощеривших клыки. Он был торжественно встречен двумя старыми почтенными супругами, Маркусом Комбабусом и Валерией Мокренс, которые жили там от доходов своих земель. Вокруг внутреннего двора протянулся тенистый мраморный портик, колонны которого были расписаны на половину их высоты. Фонтан из ракушек располагался у стены и под порталом возвышался алтарь, с нишей, где хозяин этого дома насадил маленьких терракотовых идолов, побеленных известковым молоком. Одни из них представляли из себя крылатых детей, другие Аполлона или Меркурия, а некоторые были в форме обнаженной женщины, которая заплетала на голове волосы. Но святой человек Маэль, наблюдая за этими прикольными фигурами, обнаружил среди них образ молодой матери, держащей невинного ребёнка на коленях.

Тотчас он сказал, указывая на эту картину:

– Это Дева Мария, Матерь Божья! Поэт Вергилий объявил её в сибиллиных канцонах, прежде чем она родилась, и голосом ангельским он воспел её: «*Jam redit et virgo*» (Дева уже грядёт!) И воспророчена она в добродетели таких чистых фигур, как эти, которые ты положил, о Маркус, на этот алтарь. И, возможно, она защищала твои скромные Пенаты. Именно так те, кто соблюдает именно естественный закон, готовятся к познанию величайших истин Вселенной!

Маркус Комбабус и Валерия Мокренс, переглянувшись и очарованные этой потрясающей речью, снова переглянулись и тут же обратились к истинной христовой вере. Они приняли крещение совместно со своей юной вольноотпущенницей Целкией Авителлой, которая была им дороже света их очей. Все их поселенцы тоже как на подбор отказались от язычества и шустро крестились в тот же день.

Маркус Комбабус, Валерия Мокренс и Целкия Авителла с тех пор жили жизнью, полной святости и благочестия. А как же иначе? Они так ловко ворвались в компанию самого Господа и были допущены к канону святых, особенно после

смерти.

Еще тридцать семь лет блаженный Маэль истощно евангелизировал тупорылых, грязных, хитрожопых язычников из внутренних земель, превращая их в осенённых небесным сиянием прихожан. Он поднял двести восемнадцать часовен и организовал семьдесят четыре святых аббатства.

Но однажды, в городе Бате, знаменитом своими термами и публичными домами, где он проповедовал Святое Евангелие, он узнал, что монахи Иверна в его отсутствие освободились от правила святого Гала и изрядно продвинулись по пути греха и блуда. Тотчас, с усердием курицы, собирающей своих легкомысленных птенцов под своё спасительное крыло, он пошел с клюкой к своим заблудшим цыплятам. Тогда ему уже шёл девяносто седьмой годок, и его талия была согнута, как рыболовный крюк, хотя руки оставались крепкими, а его слово текло и распространялось из его уст так же обильно, как зимний снег валится на дно долин промозглыми зимними вечерами.

Тогда Аббат Будок передал Святому Маэлю грозный ясеневый посох и просветил его относительно несчастного состояния, в котором ныне находилось поверженное скверной аббатство. Верующие рассорились на том, когда следует праздновать Пасху. Одни истово держались за римский календарь, другие-за греческий, и ужасы хронологического раскола с неистовой силой расшатывали единство монастырского монашества.

Он довёл до Святого Маэля ещё одну причину беспорядков. Монахини острова Гад, печально отпавшие от своей былой добродетели, в любой момент были готовы переправляться на лодках на лодку к побережью Иверна. Монахи принимали их в здании странноприимного Дома, и это привело к таким скандалам и посрамлению добродетели, которые наполняли отчаянием и стыдом все благочестивые души.

Этот исполненный истинной горести доклад аббат Будок завершил следующим образом:

– С тех пор, как эти монахини пришли по воде к нам, это стало причиной потрясений невинности и они зело смутили покой наших монахов!

– Охотно верю! – ответил блаженный Маэль, – Потому что женщина – это всегда ловко подстроенная ловушка: она хватает, как только её обнюхают! Увы! Восхитительная привлекательность этих существ проявляется гораздо мощнее, чем они ближе. Но чем больше соблазн, исходящий от них, тем меньше удовлетворение. Отсюда стихи поэта, обращённые к одной из них:

Когда ты здесь, бегу я от тебя,

А нет тебя – я о тебе тоскую!

Итак, сын мой, мы видим, что флюиды плотской любви более сильны в своём воздействии на одиноких отшельников и монахов, чем на людей, которые живут в городах. Демон похоти искушал меня всю жизнь различными способами, и самые грубые искушения не пришли ко мне от встречи с женщиной, даже чересчур красивой и ароматной. Они пришли ко мне из образа отсутствующей женщины. Из моего воображения! Теперь снова, под грузом прожитых лет и коснувшись моего девяносто восьмого года, враг человеческий снова является предо мной, чтобы отвращать меня от божественного целомудрия, по крайней мере, в моём воображении. Ночью, когда мне холодно в постели и кости гремят одна о другую в моей ледяной могиле, вместе со стуком моих старых костей, я слышу голоса, которые произносят второй стих из третьей книги Царей:

Dixerunt ergo et servi sui: Quaeramus domino nostro regi adolescentulam virginem, et stet coram rege et foveat eum, dormiatque in sinu suo, et calefaciat dominum nostrum regem!

(«И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего, царя, молодую девицу, чтобы она предстояла перед царём, и ходила за ним, и лежала с ним, и будет тепло господину нашему, царю».)

И Дьявол показывает мне дитя в своём первом цветении, и она глаголит мне: « Я твоя Авилага, я твой Сунамит! О мой Господь, дай мне место в пустынях твоих!»

– Поверьте мне, – добавил старик доверительно, – только при фантастическом пособничестве неба и богов, верующий человек, или монах могут сохранить свое целомудрие в целости и сохранности!

Стремясь восстановить невинность и мир в монастыре, он исправил календарь согласно расчетам хронологии и астрономии и заставил всех священнослужителей людей принять его, как таблицу умножения, он вернул падших девочек святой Бригиды в их монастырь, но вместо жестокого поношения он привел их на корабль с пением торжественных псалмов и литаний.

– Давайте уважать их! – сказал он, – Давайте уважать их, ибо они дочери Бригиды и одновременно дщери Господни! Неужто мы продолжим подражать фарисеям, которые верны своему поношению грешниц? Эти женщины должны унижаться в своём грехе, а не в своей личности, и стыдиться того, что они сделали, а не того, что они существуют, потому что они – высшие божьи твари!

И святой человек увещевал своих монахов добросовестно соблюдать правило их ордена:

– Воистину, когда корабль не подчиняется штурвалу, – сказал он им, – корабль приговорён лететь к подводным скалам, караулящим его в пучине огненной!

Глава III

ИСКУШЕНИЕ СВЯТОГО МАЭЛЯ

Блаженный Маэль едва успел восстановить порядок в Иверийском аббатстве, как узнал, что жители острова Гедик, его первые новобранцы истинной веры и потому все – самые дорогие его сердцу, вернулись к язычеству и повесили венки с цветами и цветными полотняными ленточками на ветвях священной смоковницы.

Лодочник, приносивший ему эти трагические вести, выразил опасение, что вскоре эти заблудшие овцы уничтожат железом и огнём всю часовню, возведённую Маэлем на самом берегу их острова.

Святой человек решил без промедления нанести визит своим неверным чадам, чтобы вернуть их к истинной вере и не допустить кощунственного насилия над

невинными и бесценными святынями острова. Когда он заковылял в дику бухту, где хранилось его мокрое каменное корыто, он обратил своё дотошное внимание на судостроительные верфи, которые он построил тридцать лет тому назад, на дне этой бухты, для строительства кораблей, и которые в этот час гремели и содрогались от скрежета пил, визга свёрл и грохота молотков.

В это время Дьявол, которому в злобе его была чужда усталость, вышел из дворов верфи на большую дорогу, и скособоچась, подошёл к святому под видом монашка Самсона и стал искушать Святого Маэля в таких словах:

– Мой отец святой, жители острова Гедик постоянно совершают грехи! Каждый миг, который проходит, отдаляет их от Бога! Они на грани того, чтобы огнём и мечём отправиться громить Часовню! Очень скоро они будут готовы схватить Железо и Огонь, дабы предать им часовню, которую вы трудами своих почтенных рук возвели на берегу острова. Время не ждёт! Не думаете ли вы, мессир, что ваше каменное корыто приведёт вас к ним быстрее, чем нечто, построенное в виде ладьи, и снабжено, как это полагается у приличных людей, рулём, мачтой и парусом, ибо тогда вы будете движимы ветром! Ваши руки еще крепки и чисты, чтобы управлять лодкой! А еще лучше -поставить острый волнорез на переднюю часть вашего величественного корыта. Вы слишком мудры, чтобы не догадываться об этом, мессир!

– Конечно, время не ждёт! – засуетился святой человек, – Но, поступая так, как вы советуете мне, Сын Мой Самсон, разве вы не делаете меня похожим на тех прискорбных маловеров, которые не доверяют Господу? Разве это не презрение к дарам того, кто послал мне каменную чашу без дна и украшений?

На это Дьявол, который в душе был сам великим богословом, ответил другим каверзным вопросом:

– Но отец мой, стоит ли ждать, скрестив руки на пупке, божественной помощи сверху, и выпрашивать блага у того, кому подвластно всё, вместо того, чтобы самому действовать с подобающей человеку осторожностью здравым смыслом, и помогать себе самому?

– Нет, конечно! – ответил святой старик Маэль, – Это значит, что Бог пренебрегает жалкой людской осторожностью!

– Так вот, – вздохнул горестно Дьявол, – разве не благоразумие, в данном случае – прилично оснастить святое корыто?

– Это было бы разумно, если бы мы не смогли иным способом добраться до места назначения!

– Эй! Эй! Значит, ваше корыто так стремительно?

– Оно такое же быстрое, как сам Бог!

– Что вы болтаете? Оно ползёт, как мул аббата Будока. Это настоящая старая калоша! Вам запрещено двигаться на ней быстрее?

– Сын мой, – с достоинством отвечивал Святой Маэль, – предельная ясность украшает ваши здравомысленные речи, но они при этом остры до избытка! Считите, что эта ванна божественна, так же, как её мореходные качества!

– Она такая, отец! – покачал головой Дьявол, – Гранитное корыто, плавающий по воде, как пробка, – это и в самом деле чудесное корыто! Нет сомнений! И какие из этого выводы?

– Дитя моё! Мое смущение велико! Стоит ли совершенствовать человеческими и естественно-научными средствами такую чудесную машину?

– Мой отец, если вы потеряете правую ногу, и Бог вернет её вам, будет ли эта нога чудесной?

– Наверняка, сын мой!

– Вы бы применили такую ногу?

– Несомненно!

– Ну что ж! Если вы верите, что вы можете надеть на свою чудодейственную ногу натуральную обувь, вы также должны верить, что вы можете надеть естественные снасти на чудодейственную лодку. Вы кристально чистый человек! Увы! Почему самые святые персонажи мировой истории должны иметь умы,

подверженные тоске и затемнению? Мы – самые прославленные из апостолов Бретани, мы можем совершать дела, достойные вечной славы и похвалы... Но, увы, у нас черепаший ум и ленивая рука! Прощай, отец! Милостивый государь! Путешествуйте себе на здоровье и никуда не торопитесь, и за несколько недель, в течение которых вы наконец доберётесь к берегам Гедика, вы будете свидетельствовать, как дымятся руины вашей распрекраснейшей часовни, которую вы возвели и освятили своими руками. Язычники сожгут её вместе с маленьким дьяконом, которого вы назначили в неё и который будет поджарен, как козёл на вертеле.

– Вот ведь беда-то какая! – воздыбил руки слуга Божий, вытирая рукавом мокрый от пота лоб, – Но, скажи мне, сын мой Самсон, это ведь не шуточная задача, чтобы толком оснастить такое большое каменное корыто. И не случится ли с нами, если мы возьмём на себя такую заморочь, что мы только впустую потратим время, не получив ничего взамен?

– Ах! Отец мой, – убеждённо воскликнул Дьявол, – дело будет сделано за минуты, отмеренные песочными часами. Мы найдём необходимые снасти на той стройке, которую вы когда-то сами сварганили на берегу, и на этих складах, которые обильно взрощены вашей заботой и фантазией. Я сам проконтролирую все детали процесса. До того, как я стал монахом, я был матросом и плотником, и я знаю целую кучу всяких других ремесел! Ну что, попробуем? Тогда за работу!

Тотчас же он привёл Святого Маэля в ангар, наполненный всем, необходимым для мореплавания.

– Берите всё, отец мой! Это всё ваше!

И мигом взвалил ему на плечи парус, гросс-мачту, гафель и гик.

Затем, взявшись за руль и форштевень, схватив под мышку часть киля, и мешок плотника, полный инструментов, он бежит к берегу, таща за собой согнутого крюком святого человека, который еле тащится, потая и отдуваясь, под весом этих дурацких парусов и корабельных снастей.

Глава IV. Плавание святого Маэля в Ледяном Океане

Дьявол, подоткнув рясу под самые подмышки, втащил корыто на песок, и не прошло и часа, как всецело оснастил его.

Как только святой человек Маэль взошел на борт этого ужасного каменного монстра, все паруса мгновенно и с диким грохотом развернулись, и корыто с такой скоростью стало рассекать воды, буквально рвать их, что берег скоро пропал из виду. Старик правил на юг, чтобы вовремя обогнуть мыс Лэнд-Энд. Но непреодолимое течение несло его на юго-запад. Он двинулся вдоль южного побережья Ирландии и вдруг резко повернул на север. Вечером задул свежий полярный ветер. Напрасно Маэль пытался свернуть парус. Тяжёлое каменное корыто с бешеной скоростью мчалось в сторону сказочных морей.

В ясном лунном сиянье северные русалки с конопляными волосами вздымали вокруг него свои белые лона и розовые груди, и, били по воде своими изумрудными хвостами, вспенивая аспидную воду, не забывая, однако петь хором свои завораживающие песни

Куда ты бежишь, о мой сладкий Маэль,

В твоём диковатом корыте?

Как грудь у Юноны, твой парус надут!

Путь млечный за ней простирался!

Какое – то время они преследовали его, под звездами, оглашая просторы взрывами дружного мелодического смеха. Но Колода бежала много быстрее, чем красные посудины Викингов. И ошалелые буревестники, потеряв ориентацию во времени и пространстве, и отчасти зачарованные видом старца, путались и застревали в всклокоченных власах святого Маэля.

Вскоре поднялась свирепая буря, и корыто, гонимое яростным ветром, полетело, как чайка в туманной зыби среди дикого воя, молний и огромных волн.

Трое суток подряд корыто покрывала сплошная ночная мгла, пока внезапно пелена тьмы не разорвалась, и святой муж не обнаружил на горизонте берег,

сверкающий сильнее, чем алмаз. Этот берег быстро рос в его глазах, и вскоре, при ледяной ясности низкого, холодного Солнца, Маэль увидел, что над волнами поднимается белый город, с немymi опустевшими улицами, на первый взгляд куда более обширный, чем Стовратные Фивы, с протяжёнными руинами своего древнего снежного форума, ледяными дворцами, хрустальными арками и радужными обелисками.

Весь океан был покрыт плавающими льдинами, вокруг которых плавали морские люди с диким и добрым взглядом. И совсем рядом с колодой Маэля прошёл Левиафан, устремив столп воды к самым облакам.

Однако на ледяном блоке, плывущем чуть поодаль от каменного корыта, мирно сидела белая медведица, держа маленького медвежонка в объятиях, и Маэль услышал, как она тихонько шептала ему на ушко популярный Вергилийский стих:

«Incipe, parve puer...»

И старик, полный смятения и печали, услышав их, тихо заплакал.

Меж тем лопнул бочонок с питьевой водой. Вода в нём попросту говоря замёрзла.

И чтобы утолить жажду, Святой Маэль теперь сосал сосульки. И он ел свой хлеб, пропитанный солёной водой. Его борода и волосы ломались, как стекло. Его платье, покрытое слоем льда, с каждым движением резало его конечности. Чудовищные волны поднимались вверх, ирушились вниз, и их пенящиеся челюсти отверзали свои злобные зевы на бедного старикашку. Двадцать семь раз морские валы полностью затопляли гранитное корыто. И книга Святых Евангелий, которую апостол бережно хранил под пурпурными покровами, отмеченная золотым крестом на переплёте, в конце концов тихо уплыла в океан, подгребая вокруг себя маленькими лапками.

Но на тридцать третий день море наконец уgomонилось. И вот с ужасным грохотом неба и воды гора ослепительной белизны, высотой в триста двенадцать футов, придвинулась к каменной колоде Святого Маэля.

Святой Маэль, чтобы избежать неизбежного столкновения с ожившей горой, видит это, и что есть сил, правит румпелем в сторону, но румпель разваливается в его руках на куски. Чтобы замедлить ход, он все еще пытается сорвать паруса с мачт. Но, когда он хочет завязать завязки, ветер с такой силой вырывает их у него из рук, да так, что обжигает их огнём. И вдруг он видит трёх демонов с черными кожистыми, перепончатыми крыльями, сплошь увенчанными крючками, которые, свиснув с мачты подобно летучим мышам, истошно дуют в паруса.

Понимая при этом, что враг возобладал над ним во всём, Маэль вооружился всепобеждающим крестным знаменем. Тотчас яростный порыв ветра, полный рыданий и воплей, поднимает каменную ступу, вырывает из неё с корнем мачту и уносит её вместе с парусом, а потом вырывает ещё и руль и наконец венцом всего крушит волнорез.

И корыто, сделав большой круг по бунтующему морю, удаляется в тихую гавань и вот уже качается на мирных волнах.

Святой человек, ошарашенный такими переменами, преклонившись, поблагодарил Господа, который избавил его от кромешных ловушек демонов. Сидя на льдине, он узрел мать медведицы, которая говорила стихами Вергилия в шторм. Она по-прежнему одной лапой прижимала к груди своего любимого ребенка, а в другой держала пурпурную книгу с золотым крестом на обресе. Придя к гранитному корыту, она приветствовала святого человека такими словами:

«*Pax tibi, Mael!*»

И протянула ему вновь обретённую Святую Книгу.

Святой человек узнал своё святое Евангелиста, и с изумлением радости запел во всё горло святой гимн святому Творцу и Его святейшему Творению.

К сожалению, текст этого гимна вовремя не был записан.

Глава V. КРЕЩЕНИЕ ПИНГВИНОВ

Прошло не менее часа, и святой Маэль пришвартовался к узкому пляжу, закрытому от остальной земли высокими горными пиками. Он шлялся вдоль берега целый день и всю ночь, обходя скалы, образовавшие непроходимую стену. Слоняясь по острову, он быстро убедился, что перед ним идеально круглый остров, посреди которого возвышается высоченная гора, увенчанная клубящимися над ней облаками. Его грудь радостно вздымалась от свежего, влажного воздуха. Сверху нудно капал дождь, и этот дождь был таким ласковым, что Святой Человек обратился к Господу умилённо:

– Господи, это Остров Слез, воистину это Остров Раскаяния!

Пляж был пустынен. Изнемогая от усталости и голода, Маэль уселся на камень, в дуплах которого лежали большие жёлтые яйца, расцвеченные чёрными пятнами, и были они крупнее лебединых. Но он их не трогал и пальцем, говоря:

– Птицы – это живые хвалы Господу! И я не хочу, чтобы пропала хоть одна из этих бесценных хвал!

И упорно жевал лишайники, вырванные из каменных расщелин.

Святой человек почти полностью обошёл вокруг острова, так и не встретив местных жителей, и наконец добрался до огромного цирка, образованного белыми и красными скалами, полными великошумных водопадов, и скал, вершины которых синели в облаках.

Слепящий свет полярных льдов слепил глаза старца. Тем не менее, слабый свет всё ещё проникал под его опухшие веки. Он различал оживлённые движущиеся фигуры, которые толпились на этих скалах, как толпа людей на трибунах амфитеатра. И в то же время его уши, оглушенные мерным грохотом морских валов, слабо слышали их голоса. Полагая, что это были люди, живущие по естественному закону Матушки Природы, за что Господь послал его к ним, чтобы научить их божественному закону, он евангелизировал их. Крестил!

Взгромоздившись на высокий валун посреди дикого цирка, он возгласил:

– Жители этого острова! Архипелагры! Островитяне и островитянки! Аборигены и аборигенки! Будущие налогоплательщики! – сказал он им в приподнятом тоне, – хотя вы малы, как невеста что, вы, вы не производите впечатление, что вы – моряки и рыболовы, но скорее напоминаете сенаторов Римского Сената! Серьёзные, миролюбивые, стоические, вы собрались на этой дикой скале, подобные отцам – основателям Рима, обсуждающим теперь древние законы в храме Победы, или, вернее, подобны философам Афин, спорящих на скамьях Ареопага. Без сомнения, вы не владеете ни их наукой, ни их гением, но, может быть, в глазах Господа нашего вы даже перевешиваете их! Я предполагаю, что вы простые и хорошие люди! Пробираясь по окраине вашего острова, я не обнаружил там никаких следов войн и преступлений, никаких изображений убийства, никаких признаков бойни или крови, ни голов на колах, ни черепов врагов, висящих на высоком частоколе, ни тел, прибитых к воротам деревень. Мне кажется, у вас нет искусства, и вы не знакомы с металлами! Но ваши сердца чисты и ваши руки невинны! И поэтому истина легко войдёт в ваши чистые, незамутнённые души!

Но то, что он принял за мужчин маленького роста, хотя и с серьёзным видом шляющихся по скалам, на самом деле было пингвинами, которые собирались весной большими толпами, и которые стояли на естественных отрогах скал, величественно выставив вперёд свои большие белые животы. Время от времени они махали плавниками, как будто это были руки, и издавали мирные гортанные крики. Они не боялись людей, потому что никогда не видели и не знали их, к тому же людям не было повода обижать их, и в этом заключалась причина потрясающей кротости, которая успокаивала и убаюкивала самых страшных животных, и очень нравилась самим пингвинам. Они обращались к Святому Маэлю с дружеским любопытством и участием, их маленькие круглые глазки вытягивались вперёд, а лица выглядели сплошными овальными белыми пятнами, что придавало их взгляду нечто странное и до ужаса человеческое.

Тронутый до слёз их чарующим благоговением, святой Старец стал учить их премудростям святого Евангелия.

– Жители этого острова! Аборигены и Прозелиты! Земной день, который только что поднялся над вашими вечными скалами, – это образ духовного дня, который зарождается в ваших душах. Ибо я несу вам внутренний горный свет, я несу вам свет и тепло моей души! Подобно тому, как Солнце топит льды ваших гор, Иисус Христос растапливает льды ваших сердец!

Так говорил старец. И как и везде в природе, где голос зовёт голос, как и всё сущее дышит при дневном свете и любит ритмичные песни, пингвины отвечали старику звуками своих вечно наполненных жвачкой ртов. И их голос был мягким и призывным, потому что в повестке дня. был сезон спаривания и любви.

И святой человек, убеждённый в том, что они принадлежат к какой-то идолопоклоннической расе и на своём языке подают ему сигналы о присоединении к святой христовой вере, предложил им принять Крещение.

– Я думаю, – сказал он им, – я вижу, что вы часто купаетесь! Все впадины эти, все каверны скал, все ванны побережья полны чистой воды, и я видел, когда я отправлялся в ваше почтенное аристократическое собрание, многие из вас окунались в эти прекрасные естественные ванны! Так вот, чистота тела – это образ духовной чистоты!

И он учил их происхождению, природе и последствиям святого Крещения.

– Крещение, – сказал он им, – это Усыновление, Возрождение, Восстановление, Просвещение.

И он с дотошной методичностью объяснил им каждый из этих пунктов.

Затем, предварительно благословив воду, ниспадающую с водопадов и читая очистительные псалмы, он крестил тех, кого только что учил, выливая на голову каждого из них каплю чистой воды и произнося освящённые Богом молитвы.

И так крестил птиц три дня и три ночи.

Глава VI. СОБРАНИЕ В РАЮ

Когда о крещении Пингвинов стало известно в Раю, там не было замечено ни радости, ни печали, а было чувство крайнего изумления... Сам Господь Бог был смущён. Он собрал весь Синклит клириков и докторов и спросил их, считают ли они, что это крещение легитимно?

– Ни за что на свете! Это полный отстой! – возопил святой Патрик.

– Почему же это полный отстой? – отреагировал святой Гал, который евангелизировал Корнуолл и обучил святого человека Маэля чудесам евхаристии и кое-каким апостольским трудам.

– Таинство крещения, – заверещал святой Патрик, – ничтожно, когда оно даётся каким-то птицам, так же, как таинство венчания равно нулю, когда оно даётся евнуху!

Но святой Галл не собирался сдаваться:

– Какое отношение вы имеете к крещению птиц и свадьбам евнухов? Их нет! Брак-это, осмелюсь сказать, условное, возможное таинство! Священник заранее благословляет акт! Очевидно, что, если акта нет, благословение остаётся без последствий! Это ясно как божий день! Я знал на Земле, в городе Антрим, богатого человека по имени Садок, который, живя в сожительстве с некоей горожанкой, сделал её матерью девяти детей. Когда он уже был в зрелом возрасте, уступая моим наущениям, он согласился взять её в жёны, и я благословил их союз. К сожалению, большой возраст Садока помешал ему пожениться! Вскоре после этого он полностью обанротился и потерял всё свое имущество, и Джермина (так называлась эта женщина), не чувствуя себя в состоянии терпеть прискорбную и незаслуженную ею нищету, тут же попросила папу отменить брак, под которым таким образом не имелось никакой почвы. Папа удовлетворил её просьбу, потому что она была справедливой. Так обстоят дела со свадьбами! Но крещение, хочу вам заметить, даётся без каких-либо ограничений или оговорок. Сомнений нет: таинство, которое получили пингвины, совершенно легитимно!

Призванный высказать свое мнение, Папа Святой Дамаскин в этих условиях высказался уклончиво:

– Чтобы узнать, действительно ли крещение и будет ли оно иметь последствия, то есть освящение, нужно учитывать то, кто его дал, а не то, кто его получил. Действительно, освящающая добродетель этого таинства вытекает из внешнего акта, которым он наделён, без того, чтобы крещённый сотрудничал со своим собственным освящением каким-либо личным актом, и ежели бы это было иначе, новорожденным не было бы дано его. И нет необходимости креститься, чтобы

выполнить какие-либо особые условия, нет необходимости быть в благодатном состоянии, достаточно иметь намерение делать то, что делает Церковь, произносить освящённые слова и соблюдать предписанные божественные формы. Однако мы не можем сомневаться в том, что почтенный Маэль не действовал в этих условиях. Так пингвины крещены!

– О, как вы думаете! – возвысил голос Сент-Геноль, – И что же вы верите в Крещение? Крещение – это процесс регенерации, посредством которого человек возрождается из воды и духа, потому что, войдя в воду, покрытую преступлениями, он выходит из нее очищенным неопитом, обновлённым существом, приобретшим изобильные плоды праведности, вследствие этого крещение – это зародыш бессмертия, крещение – залог Воскресения, крещение – погребение вместе со Христом в его смерти и общение при выходе из предвечного гроба. Это не подарок для птиц! Рассуждаем, отцы, думаем! Крещение очищает первородный грех! Пингвины не были зачаты во грехе, и им не надо нести наказание за чужие грехи! Пингвины не согрешили! Крещение производит благодать и дар добродетелей, объединяя христиан с Иисусом Христом, как членов банды с вожаком, но нам нельзя допустить и тени мысли, что пингвины могут приобрести добродетели исповедников, девственников или вдов, получать милости и объединяться с ними...

Святой Дамаскин не позволил ему закончить:

– Это доказывает, – твердо сказал он, – что крещение бесполезно! Но отнюдь не доказывает, что оно нелегитимно!

– Но на сей счет, думаю, я выражу общее мнение, – возразил Сент-Геноль, – что если мы крестимся во имя Отца, Сына и Святого Духа, окроплением или погружением, и подвергаем этому не только птиц или скотов, но тогда можно крестить и неодушевленные предметы – статуи, столы, стулья и т. д. Это животное тогда стало бы христианином, и этот идол, этот стол был бы христианином! Это абсурд!

Зазвенел колокольчик.

Святой Августин взял слово. Все замолкли.

– Я готов, – сказал ярый епископ Гиппон, – показать вам, например, силу формул! Это, правда, дьявольская операция! Но если установлено, что Формулы, преподанные дьяволом, оказывают влияние на животных, лишенных интеллекта, или даже на неодушевлённые предметы, как еще сомневаться в том, что влияние sacramентальных формул не распространяется на умы сынов и на инертную материю? Вот этот пример:

– Некогда в городе Мадуре, родине философа Апулея, была волшебница, которой было достаточно сжечь на штативе, с некоторыми травами и специями, произнося определенные заклинания, чьи-то волосы, вырезанные на голове человека, чтобы тотчас притянуть этого человека к постели. Так вот, однажды, когда она хотела получить, таким образом, любовь мальчика, она сожгла, обманутая ее служанкой, вместо волос этого подростка, волосы, вырванные из кожи козла, который висел в магазине в качестве меха для вина. И вот по ночам, по городу, к порогу волшебницы, пробирался полный вина бурдюк. Факт истинный. В таинствах и в чарах действует форма! Эффект Божественной формулы не может быть меньше по силе и размерам, чем эффект адской формулы!

Заговорив таким образом, Великий Августин сел, провожаемый неистовыми аплодисментами.

Какой-то Блаженный, преклонный и довольно потёртого вида, который до того сидел тихо уткнувшись в колени, наконец попросил слова. Никто его не знал. Он называл себя Пробусом и явно не вписывался в канон святых.

– Прошу прощения всей честной компании, – сказал он, – У меня нет ореола богоизбранности, но и без блеска и лоска я обрёл вечное блаженство. Но после того, что только что сказал вам великий Августин, я просто обязан поделиться с вами жестоким опытом, который я проделал на условиях, необходимых для действительного таинства. Епископ Гиппон прав: таинство зависит от формы! Его добродетель – в форме! Его порок тоже – в форме! Слушайте же, исповедники и понтифики, мою печальную историю. Я был священником в Риме во времена княжения Гордианского императора. Не обладая никакими выдающимися заслугами перед святой церковью, я благочестиво нёс крест священства на своей согбенной спине. В течение сорока лет я служил в церкви Святой Великоскоромницы Модесты, за стенами. И при этом я вёл размеренный образ жизни. Я ходил каждую субботу в кабак к кабатчику по имени Бархас, который обретался со своими амфорами под Капернскими воротами, и покупал

у него вино, которое я освящал в течение всей недели. В это долгое время я не пропустил ни одного утра, чтобы не отпраздновать святую жертвенную мессу. И всё же я был безрадостен, и сердце сжималось от тоски, когда я испрашивал, стоя на ступенях алтаря: «Почему ты так грустна, душа моя, и почему ты смущаешь меня?»» Приобщённые, которых я приглашал к святому столу, давали мне постоянное ощущение скорби, ибо, имея еще, так сказать, на языке хозяина, тело господне на языке из моих рук, они тут же скатывались в грех, как будто таинство не оказывало на них никакого действия и не имело никаких последствий. Наконец, я достиг конца своих земных испытаний и, уснув в Господе, проснулся во время пребывания избранных. Тогда я узнал из уст ангела, который перевёз меня, что в кабаке кабатчика Бархаса у Капернских ворот мне продавали вместо вина какой-то мерзкий отвар корней и коры, в который не было ни капли сока виноградной лозы, и что я не мог таким образом претворить этот мерзкий напиток в кровь Господню, так как это было не вино, а ведь только вино превращается в кровь Иисуса Христа, что поэтому все мои посвящения были ничтожны и что, без нашего ведома, мы с моими верными были уже сорок лет лишены таинства Евхаристии и фактически отлучены от церкви. Прослушав это откровение, я впал в ступор, который до сих пор не позволяет мне погрузиться в состояние полного блаженства. Я постоянно путешествую по всей округе, не встречая ни одного из тех христиан, которых я когда-то принимал за святым престолом в базилике Скорной Блаженной Модесты. Лишенные ангельских хлебов, они бесцеремонно сдались самым отвратительным порокам, и все отправились прямой дорогой в ад. Мне нравится думать, что кабаре Бархаса проклято навеки. В этих вещах есть логика, достойная автора любой логики. Тем не менее, мой несчастный пример доказывает, что иногда досадно, что в таинствах форма перевешивает содержание. Я смиренно спрашиваю его: не может ли вечная мудрость исправить это?

– Нет! – ответил Господь, – Лекарство будет хуже, чем проказа! Если бы в правилах спасения содержание перевешивало форму, это было бы разрушением священства!

– Увы! Боже мой! – вздохнул скромный Пробус, – Верьте в мой печальный опыт: пока вы будете сводить свои таинства до формул, ваша справедливость столкнется с ужасными препятствиями.

– Я знаю это лучше вас! – возразил Господь Бог, – С одной стороны, я вижу и нынешние трудности, и будущие проблемы, которые не будут меньше, чем

сейчас Таким образом, я могу сообщить вам, что после того, как Солнце повернулось еще двести сорок раз вокруг Земли...

– Какой возвышенный язык! – воскликнули Ангелы.

– И достойный Творца Мира, – отвечали понтифики.

– Это, – возразил Бог, – всего способ сказать, связанный с моей старой космогонией, и если я не буду твёрдо её придерживаться, тогда можно будет усомниться в моей стойкости. Стоит только Солнцу снова повернуться двести сорок раз вокруг Земли, как в Риме не останется ни одного клирика, знающего латинский язык. Воспевая литании в церквях, мы тогда будем призывать святых Орихеля, Рогуэля и Тоти, которые, как вы знаете, по сути своей дьяволы, а не ангелоподобные сущности. Много воров, имея замысел очиститься причастием, но боясь, что придется ради получения прощения отказаться от пожертвований в Церковь украденных предметов, побегут исповедоваться у бродячих священников и монахов, которые, не зная ни итальянского, ни латинского языков и говоря только на своих непонятных деревенских наречиях, пойдут, по городам и сёлам, продавая отпущение грехов и прощение по мерзкой цене, часто за бутылку вина. Могу предположить, нам не придется беспокоиться об этих фальшивых отпущениях, ибо они, полученные без раскаянья, не могут быть признаны действительными, Однако крещения могут доставить нам массу проблем! Священники могут стать до такой степени невежественными, что будут крестить детей во имя Отцов, Сынов и Святых Духов, о чём Луи де Поттер будет рад сообщить с придыханием в III томе своей истории «Философской, политической и критической Истории Христианства». Это будет трудный вопрос, как поступать с истинностью таких крещений, ибо, наконец, если я нахожу терпимыми тексты Святого Писания на скверном греческом, зная, что они в подмётки не годятся Платону, или на латыни, далеко уступающей Цицерону, это не значит, что я могу признать в качестве литургической формулы чистую тарабарщину. Как не содрогнуться при мысли, что эти неточности и казусы падут на миллионы новорожденных. Но вернёмся к нашим пингвинам!

– Ваши божественные слова, Господь, нас к ним уже развернули! – сказал святой Гай, – В знаках религии и правилах спасения форма всегда перевешивает содержание и признание того, действительно ли то или иное таинство, зависит только от его формы! Весь вопрос в том, верен ли или нет слух, что пингины были крещены не по форме, или нет? Однако ответ не вызывает никаких сомнений!

Отцы Святой Церкви и Учёные Богословы поневоле вынуждены были согласиться со святым Галлом, при том, что их недоумение только возросло.

– Созидание Христианского государства среди Пингвинов, – сказал святой Корбье, – не может произойти без серьёзных трудностей! Это птицы обязаны будут думать о своём спасении. Они смогут добиться успеха? Они всё равно во многом будут сохранять птичьи нравы, вопреки заповедям Божьим. И у пингвинов нет причин менять их! Я имею в виду, что они недостаточно разумны, чтобы становиться лучше.

– Они не могут меняться! – сказал Господь, – Ибо мои предначертания абсолютно невозможно изменить!

– Тем не менее, – возразил святой Корбье, в силу крещения, они теперь обязаны контролировать своё поведение! Теперь они будут хорошие или плохие, и вероятно, будут заслуживать поощрения или порицания!

– Именно так вопрос и стоит! – заявил Господь Бог.

– Я вижу только одно решение, – сказал святой Августин, – Пингвины отправятся прямой дорогой в ад!

– Но у них же нет души! – заметил святой Иринеи.

– Обидно! – вздохнул Тертуллиан.

– Да уж! – отметил святой, – Я должен с прискорбием сказать, святой человек Маэль, мой лучший ученик, без сомнения, в своём слепом рвении, вдохновлённый Святым Духом, создал для того же Святого Духа немалые богословские проблемы и существенно запутал порядок привнесения тайн!

– Это старый ветреный дурачок! – воскликнул, пожимая плечами, Святой Адъюнктор Эльзасский.

Но Господь, порывисто повернувшись к Адъюнктору, промолвил с искренним упрёком:

– Позвольте не согласиться с вами! Но помилуйте, господа, Святой Маэль не такой, как вы, он всего лишь обыкновенный блаженный, и ему недоступно высшее знание! Он меня не видит в упор. Он всего лишь перегруженный старческим маразмом старик, немощный, наполовину глухой и на три четверти слепой. Вы слишком суровы с ним! Однако я признаю, что ситуация очень неловкая!

– Это, к счастью, дело поправимое! – сказал святой Иринеи, – Да, Пингвины крещены, но никто не заставляет нас крестить пингвинчиков, которые выползут из пингвиньих яиц в будущем и будут пингвинами в следующем поколении!

– Не говори так, Сын Мой, – сказал Господь, – Законы, которые устанавливают естествоиспытатели и физики на Земле страдают исключениями, потому что они несовершенны и часто противоречат Природе Вещей. Однако правила, которые я установил – совершенны и не страдают от каких-либо исключений. Итак, нужно решить судьбу крестившихся пингвинов, без нарушения каких-либо божественных Законов, десяти заповедей и установлений Святой Церкви.

– Господи! – сказал святой Григорий Нациандзе, – Вселите в них бессмертную душу!

– Увы! Господь, и что бы им с ней делать? – вздыхал Святой Лактанций, – Они не имеют терпимого гармоничного голоса, чтобы петь хвалы... И им неизвестно, что им делать с Таинствами!

– Наверняка, – сказал святой Августин, – им будет не до соблюдения Божественных Законов!

– Они не смогут! – горестно согласился Господь.

– Они не смогут, – продолжал Святой Августин, – и если, в вашей мудрости и силе, Господь, вселить в них их бессмертные души, они будут вечно гореть в адском пламени вечно в аду, под ваши очаровательные указы. Так будет восстановлен порядок, Огюст, потрясённый этим старым кембрийцем.

– Вы предлагаете мне, сын Моник, правильное решение, – резюмировал Господь, – вполне солидарное с моей мудростью. Но она не солидарна с моим милосердием! И, хотя я остаюсь неизменным в своей стойкости по сути, в какой-

то мере я больше склоняюсь к чрезмерной мягкости! Да будет вам известно, что изменение моего характера вы всего нагляднее можете проследить, придирчиво сравнивая Ветхий и Новый Заветы!

Так как обсуждение продолжалось, не внося никакой ясности в обсуждаемые вопросы, и святые мужи показывали своё пристрастие к ранее высказанным тезисам и как попугаи непрерывно долбили их, то в конце концов было принято решение проконсультироваться со святой Екатериной Александрийской. Так они поступали обычно в трудных случаях. Святая Екатерина была здесь, на земле, осведомлена во всех вопросах не хуже пятидесяти учёных докторов-богословов. Она наизусть знала Натур-Философию Платона, а также изрядно проштудировала Священное Писание и, что особенно ценно, блестяще владела искусством риторики.

Глава VII. СОБРАНИЕ В РАЮ (продолжение и конец)

Святая Екатерина отправилась в собрание, с головой, украшенной изумрудной короной, сапфирами и жемчугом, и одетой в платье из золотой простыни. Она несла в сторону пылающее колесо, похожее на ту, чьи осколки ударили ее преследователей.

Когда Господь пригласил её заговорить, она произнесла такие слова:

– Господи, чтобы решить ту проблему, которую вы соизволили мне представить, я не буду изучать нравы животных в целом, а также нравы птиц в частности. Я лишь хочу обратить внимание врачей, исповедников и понтификов, собравшихся в этом собрании, на то, что разделение между человеком и животным не является полным, осознанным и амбивалентным, так как есть монстры, которые происходят как от одного, так и от другого. Таковы химеры, половина нимфы и три четверти змей, три Горгоны, каприпеды, таковы сциллины и русалки, которые поют в море, приманивая свои жертвы. У них женский бюст и рыбий хвост. Таковы также кентавры, мужчины до пояса и лошади в остальном. Это раса благородных монстров. Один из них, вы его прекрасно знаете, направляясь прямой дорогой к вечному блаженству и руководствуясь только собственным интеллектом, достиг всего сам, и иногда вы видите, как на золотых облаках выгибается его героическая грудь. Кентавр Хирон земными

трудами, добился всего сам, земными трудами, и заслужил место среди блаженных, чтобы потом заведовать образованием Ахилла, и этот молодой герой, выйдя из рук кентавра, прожил два года, одетый по образу молодой девы, среди дочерей царя Ликомеда. Он разделил их игры и ложе, не давая им ни на минуту заподозрить, что он не такая уж молодая дева, как они. Хирон, который воспитал его в таких добрых нравах, вместе с императором Траяном – единственный праведник, который стяжал небесную славу, соблюдая естественный закон. А ведь Хирон был всего лишь полукровка.

Я считаю, что этим примером я доказал, что для достижения вечного блаженства достаточно обладать некоторыми человеческими частями тела, при условии, что они благородны. И разве то, кентавр Хирон смог достичь, не будучи возвышенным крещением, крещёные пингвины не смогли бы достичь после крещения, если бы они стали наполовину пингвинами и половину людьми? Поэтому я умоляю Вас, Господь, дать пингвинам старика Маэля человеческую голову и бюст, чтобы они могли достойно восхвалять вас, и дать им бессмертную, но маленькую душу.

Так говорила Екатерина, и по толпе отцов церкви, докторов, исповедников, понтификов прокатился шёпот одобрения.

Но святой отшельник Антуан встал и, устремив к Его Высочеству две узловатые, красные руки, возопил:

– Не делай этого, Господи Боже ты мой! – воскликнул он, – Во имя нашего святого Параклета не делай этого!

Он говорил с такой яростью, что его длинная белая борода тряслась у него на подбородке, как пустая торба у уст голодного коня,

– Господи! Не делай этого! Птицы с человеческими головами уже существуют! Святая Екатерина могла бы выдумать что-нибудь получше!

– Воображение отбирает и сравнивает, само по себе оно никогда ничего не создаёт! – сухо ответила Святая Екатерина.

– ...Эти твари уже существуют, – продолжал Сент-Антуан, который ничего не хотел слышать. Это называется гарпии, и они являются наиболее

неконструктивными из всех животных со времён Творения. Однажды, в пустыне, я пригласил на ужин Святого Павла, настоятеля, и поставил стол на пороге моей хижины, под старой сикоморой. Гарпии сидели в ветвях, оглушая нас своими резкими криками, гадя во все блюда. Из-за того, что эти чудовища мешали мне слышать поучения Святого Павла, аббата, и мы ели птичий помёт с хлебом и салатом. Кто после этого захочет верить, что гарпии будут достойно восхвалять Вас, Господь?

Конечно, блудя в моих искушениях, я видел много гибридных существ, и не только женщин-змей и женщин-Рыб, но и существ, составленных с ещё большей непоследовательностью, таких как люди, чье тело было сделано из кастрюли, колокола, часов, буфета, наполненного едой и посудой, или даже дома с дверями и окнами, через которые были видны люди, занятые домашним трудом. Вечности не хватило бы, если бы мне пришлось описывать всех монстров, которые нападали на меня в моём затворничестве, от китов, созданных как корабли, до дождя красных тварей, которые превращали воду в моём фонтане в кровь. Но ни один из них не был таким отвратительным, как эти гарпии, которые лили свои фекалии на листья моей прекрасной сикоморы.

– Гарпии, – заметил святой Лактаций, – женские монстры в птичьем теле! У них голова и грудь женщины! Их неискренность, наглость и непристойность исходят из их женской природы, как продемонстрировал поэт Вергилий в своей «Энеиде». Они сопричастны к проклятию Евы.

– Не будем больше говорить о проклятии Евы! – сказал Господь, – Вторая Ева искупила грехи Первой!

Пол Ороз, автор «Всеобщей Истории», которой в дальнейшем будет подражать Бюссе, встал и принялся умолять Господа:

– Господи, услышь мою молитву и молитву Антония! Прекратите выдумывать монстров, таких, как кентавры, русалки и фавны, дорогие грекам – любителям всяких побасенок! Они никому не нравятся! Эти виды монстров имеют языческие склонности, и в силу их двойной природы не имеют к чистоте нравов никакого отношения!

Сладкоголосый Лактанций ответил такими словами:

– Тот, кто только что говорил, безусловно, лучший историк в Раю, поскольку Геродот, Фукидид, Полибий, Тит-Ливий, Веллий Патеркул, Корнелиус Непос, Светоний, Манефон, Диодор Сицилийский, Дион Кассий, Ламприд, лишены божественного лицезрения. Тацит страдает в аду, преданный мукам за богохульство. Но Павел Ороз не так хорошо знает небо, как землю. Ибо он не узрел, что ангелы, которые происходят от человека и птицы – это сама чистота.

– Не стоит так заблуждаться! – сказал Господь, – Что здесь делают эти кентавры, гарпии и ангелы? Это всего лишь пингины!

– Вы сказали, Господь, что это пингины, – крикнул декан пятидесяти докторов, поставленных в тупик Богородицей Александрийской, – и я осмеливаюсь выразить это мнение, что для того, чтобы положить конец скандалу, который бушует на небесах, необходимо, как предлагает Святая Екатерина, которая нас смутила, дать пингвинам старика Маэля наполовину человеческое тело, с вечной душой, соразмерной этой половине.

При этих словах в собрании поднялся большой шум и начались всякие разборки и учёные диспуты. Греческие отцы яростно сцепились с латинянами о сущности, природе и размерах душ, которые должны были быть у пингинов!

– Исповедники и понтифики, – воскликнул Господь, – не подражайте Конклавам и Синодам земным! И не носите в торжествующую Церковь то насилие, которое распаляет Церковь воинствующую! Потому что это слишком верно: во всех соборах, проводимых под вдохновением Моего Духа, в Европе, Азии, Африке святые отцы всегда драли бороды и вырывали глаза отцам церкви. Однако они были непогрешимы, ибо я был с ними, ибо было так!

Восстановив порядок, старик Гермий встал и важно признёс:

– Я возношу тебе хвалу, Господь Великий, за то, что ты родил Сапфиру, мою мать, и поселил её среди твоего народа, в дни, когда роса с неба освежала землю в ожидании своего Спасителя. И я восхваляю Тебя, Господь, за то, что ты дал мне увидеть моими смертными очами апостолов твоего божественного сына. И я не буду молчать в этом прославленном собрании, потому что вы хотели, чтобы истина вышла из смиренных уст, и я скажу: превратите этих пингинов в людей! Это единственное решение, подходящее для вашей справедливости

и милосердия.

Несколько докторов просили слово, другие брали его сами, толкаясь у трибуны. Никто не слушал, и все исповедники шумно размахивали кулаками и венками.

Господь, жестом правой руки, утихомирил споры своих избранных чад. И рёк:

– Давайте больше не будем об этом, – сказал он, – Точка зрения, провозглашённая нежным стариком Гермасом, – единственная, которая всецело соответствует моим извечным замыслам. Истинно говорю вам! Эти птицы будут превращены в людей! Я предвижу в этом деле несколько проблем! Многие из этих людей будут страдать, ибо не будут больше пингвинами! Конечно, их судьба в результате этого изменения будет гораздо менее завидна, чем без этого крещения и включения в славную семью Авраама, Моисея и Иуды. Но мое предощущение не должно касаться их свободной воли! Я не должен запрещать им свободного выбора! Чтобы не ущемлять человеческую свободу, я не буду показывать никому, что я знаю, я занавешу свои всевидящие глаза плотной пеленой, гораздо более плотной, чем та, которую я когда-то пробил сам, моя слепая прозорливость теперь будет удивляться тому, что я некогда напланировал!

И тотчас же, призвав Архангела Рафаэля, он повелел:

– Иди и найди, – сказал он, – святого человека Маэля, предупреди его о его прискорбной ошибке, какая произошла по моему произволению и скажи ему, чтобы вооружившись моим именем, он поспешил превратить этих пингвинов в людей.

Глава VIII.

МЕТАМОРФОЗА ПИНГВИНОВ

Архангел, спустившись на Пингвиний Остров, обнаружил, что святой человек спит в дупле скалы среди своих новых учеников. Он положил руку ему на плечо и, разбудив его, сказал тихим голосом:

– Маэль, не спи! Маэль, не бойся!

И святой, ослеплённый ярким светом, опьяненный восхитительным запахом, узнал Ангела Господня и простерся пред ним по земле, попирая лбом землю.

И Ангел снова рёк:

– Маэль, знай свою ошибку: полагая, что ты крестил детей Адама, ты крестил птиц, и вот теперь твои пингвины вошли в церковь Божью...

При этих словах старик совершенно ошалел и только бессмысленно хлопал глазами.

И Ангел продолжил дозволенные речи:

– Встань, Маэль, вооружись могущественным Именем Господним и скажи этим птицам:

«Птицы! Будьте людьми!»

И святой Маэль, плача и молясь, вооружился могущественным именем Господа и сказал птицам:

– Будьте!

И тотчас же раздалось лёгкое жужжание, шум и треск. Сразу же, прямо на глазах пингвины были преобразованы и трансформированы. Их лбы расширились, а головы округлились, как купол храма, как Ротонда Святой Марии в Риме. Их овальные глаза расширились и стали различать Вселенную, мясистый нос теперь покрывал две щели их ноздрей, их клювы превратились в рот, и из этого рта вылетело первое слово, их шеи вытянулись и стали шире, их крылья превратились в руки, а ноги остались ногами, в их груди теперь обитала взволнованная, ищущая собственное амбивалентное «Я» трепетная и пытливая душа.

Тем не менее, они все еще имели некоторые следы своего первого воплощения. Они были склонны смотреть в сторону, и были весьма косоглазы, они

покачивались из стороны в сторону на слишком коротких бёдрах, их тела по-прежнему были покрыты лёгким пухом.

И Маэль поблагодарил Господа за то, что он включил этих пингвинов в дружную семью Авраама.

Но он опечалился при мысли о том, что скоро он покинет этот Остров, чтобы вернуться и что, возможно, вдалеке от него короткая вера пингвинов погибнет из-за отсутствия заботы, как растение, слишком молодое и слишком нежное для пребывания в такой кислотной среде. И он задумал идею транспортировки их острова поближе к побережью Арморики.

«Я не знаю замыслов вечной мудрости! – сказал он себе, – Но если Бог захочет, чтобы остров был транспортирован, кто бы мог помешать ему?

И святой муж нашёл нить сволей епитрахили и сплёл из неё очень тонкую верёвку длиной сорок футов. Он привязал один конец этой веревки вокруг скалы, которая торчала посреди пляжа, и, держа в руке другой конец веревки, вошел в каменную ступу.

Корыто скользило по морю и стало буксировать остров Пингвинов, и после девяти дней плавания с островом на буксире оно вышло к бретонским берегам.

Книга II. ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА

Глава Первая. ПЕРВЫЕ ПАРУСА

В тот день Святой Маэль сел на берегу океана на камень и почувствовал задним местом, что камень весьма горяч. Он подумал, что Солнце нагрело его, и возблагодарил за то Создателя Мира, не зная, что Дьявол только что отдыхал там.

Апостол ждал монахов из Иверна, которым было поручено привести ткани и шкуры, чтобы одеть жителей острова Альки.

Вскоре он увидел священника по имени Магис, который нёс сундук на спине. Святость Магиса была вне всяких подозрений и в качестве святого он пользовался большой популярностью.

Когда Магис поровнялся со стариком, он сбросил сундук на землю и сказал, вытирая лоб лацканом:

– Ну, отец, вы хотите одеть этих пингвинов?

– Ничего больше не нужно, сын мой, – ответил старик, – С тех пор, как они вошли в семью Авраама, эти пингвины участвуют в проклятии Евы, и они знают, что они голые, чего они раньше не знали. И пришло время одеть их, потому что они вот-вот потеряют пух, оставшийся у них после их метаморфозы.

– Это правда, – сказала Магис, прогуливаясь по берегу, где виднелись пингвины, занятые ловлей креветок, сбором мидий, пением или сном, – они голые! Но разве вы не верите, отец, что лучше было бы оставить их голыми? Зачем их одевать? Когда они будут носить одежду и подчиняться нравственному закону, они получают в придачу к одежде гордыню, низкое лицемерие и излишнюю жестокость.

– Вполне вероятно, сын мой, – вздохнул старик, – что вы так плохо понимаете последствия нравственного закона, которому подчиняются даже сами язычники!

– Нравственный закон, – возразил Магис, – заставляет людей, которые по сути своей являются зверьми, жить иначе, чем звери, что, несомненно, их раздражает, но одновременно и льстит им, и успокаивает их, и, поскольку они горды, низкопоклонны и жадны к удовольствиям, они охотно подчиняются ограничениям, из которых они получают тщеславие, на которых они самоутверждается и их нынешняя безопасность и надежда на их будущее блаженство. Это принцип любой морали... Но мы не заблуждаемся. Мои спутники выгружают на этот остров свой груз тканей и шкур. Подумайте об этом, отец, пока еще есть время! Это чревато! Облачение пингвинов чревато большими последствиями! Теперь, когда пингвин хочет пингвиниху, он точно знает, чего хочет, и его похоть ограничена точным знанием желанного предмета. Прямо

сейчас, на пляже, две или три пары пингвинов занимаются любовью на солнцепёке. Посмотрите, с какой простотой и непосредственностью они это делают?! Никого это не интересует, и те, кто это делает, не производят впечатление слишком утомлённых моральными императивами! Но когда пингвинихи будут завуалированы драпировками, они перестанет понимать, что привлекает к ним самца. их неопределенные желания будут распространяться во всевозможные сны и иллюзии; наконец, отец мой, они будут испытывать любовь и его безумные фантомные боли. И, кончится это тем, что пингвиниха, опустив глаза и поджав губы, будет делать вид, что у неё под покровами содержится невероятное сокровище!... Какая жалость! Зло будет ещё как-то терпимо до тех пор, пока эти народы останутся грубыми и бедными! Но подождите какую-нибудь тысячу лет, и вы увидите, какое страшное оружие вы дали, отец мой, неразумным дочерям Альки. Если вы позволите, я могу дать вам предсказать заранее. Давайте поэкспериментируем! У меня в ящике есть кое-какое шмотьё! Давайте случайно возьмём пингвинку, одну из тех, кому пингвины не уделяют сейчас почти совсем никакого внимания, и попытаемся её принарядить получше! Посмотрим, что из этого получится!

Вот одна из них ковыляет к нам. Она не красивее и не уродливее, чем другие, она молода. Никто на неё не смотрит! Она неуверенно тащится по скале, палец в носу и чешет спину под хвостом. Она не должна ускользнуть от нас, отец мой, у нее узкие плечи, тяжелая грудь, большой и желтый живот, короткие ноги. Её коленки красны, и когда она идёт, то кажется, что на коленях ` гримасничают обезьянки. Её сильные растопыренные ступни цепляются к скалам четырьмя крючковатыми пальцами, а большие пальцы ног поднимаются в движении, как головы двух змей, привставших в тревоге. Она увлечена ходьбой, все её мышцы задействованы в этой работе, и из того, что мы видим, как они работают, мы делаем вывод, что это просто великолепная машина для ходьбы, и речь тут пока идёт о ходьбе, но не о сексе, хотя потенциально она возможно, содержит возможности для развития обоих механизмов. Итак, почтенный апостол, посмотрите, что я сейчас сделаю...

К этим словам монах Магис тремя прыжками настиг пингвинскую женщину, схватил её, засунул подмышку, и, волоча за волосы, бросил ее, пребывающую в ужасе к ногам святого Маэля.

И когда она плачет и умоляет его не причинять ей вреда, он вытаскивает из своего сундука пару сандалий и приказывает ей надеть их.

– Затянутые в шерстяные завязки, – заметил старик, – её ноги станут визуально меньше. Подошвы, высотой в два пальца, изящно вытянут её ноги, и её осанка станет величавой.

Завязывая обувь, пингвинка бросила на открытый сундук любопытный взгляд, и, увидев, что он полон драгоценностей и украшений, улыбнулась сквозь слёзы.

Монах скрутил ей волосы на затылке узлом и короновал их цветочной шляпой. Он обвил ее запястья золотыми браслетами и, заставив ее встать, продел под грудью и на животе широкую льняную повязку, утверждая, что грудь будет более горделивой и что таким образом бёдра станут более выразительными.

С помощью булавок, которые он вытягивал один за другим из рта, он регулировал эту повязку.

– Можно ещё подтянуть! – попросила пингвинка.

Когда он, с большим тщанием и вниманием, подправил мягкие части бюста, он одел всё тело в розовую тунику, которая мягко подчёркивала все его линии.

– Она хорошо ниспадает? – спросила пингвинка.

И, согнув талию и повернув голову в сторону, расположив подбородок на плече, она внимательно наблюдала за тем, как её одевают.

Магис спросил ее, уверена ли она в то, что платье немного не длинновато, но она уверенно ответила, что нет, что она будет подтыкать его.

Тотчас, сзади вытянув левой рукой юбку, она косо прижала ее к икрам, стараясь показать выглядывающие каблуки. Затем она отступила на шаг, покачивая бедрами.

И пошла, не поворачивала головы, но, проходя мимо ручья, остановилась, скосившись на своё отражение уголками глаз.

Пингвин, который шёл ей навстречу, удивленно остановился и, отступив на мгновение, в следующее мгновение пошел за ней вслед. Когда она шла вдоль

берега, к ней подошли пингвины, возвращавшиеся с рыбалки, и, созерцая её, пошли по следу. Лежавшие на песке встали и присоединились к остальным. Не переставая увеличиваться в количестве, мчались по горным тропам, выходили из расщелин скал, выходили из глубины вод, всё новые пингвины, увеличивая её кортеж. И все, зрелые мужчины с крепкими плечами, с волосатой грудью, гибкие подростки, старики, морща многочисленные складки их розовой плоти с белой щетиной на теле, едва держащиеся на ногах, или тащась вслед на ещё более тощих и сухих ножках, чем палка можжевельника, которая служила им третьей ногой, спешили, задыхаясь, извергая едкий запах и хриплое сопение. Однако она шла спокойно и, казалось, ничего не замечала.

– Отец мой, – воскликнула Магис, – полюбуйте, как все они по-детски прикреплены к сферическому центру этой молодой особы, теперь, когда этот центр завуалирован розовой тряпочкой. Сфера вообще всегда вдохновляла на размышления философов и естествоиспытателей, и я думаю, когда эта форма извлекается из живой природы, она приобретает новые качества. И чтобы интерес к этой фигуре столь умножился в пингвинах, им пришлось, перестав видеть её отчетливо своими глазами, представить её образно! Я вижу, как сам начинаю потихоньку превращаться в такого пингвина! Это потому, что её юбка сделала её задницу желанной, и что, великолепно скрывая её детали, она только подчеркнула её синтетический и общий характер, и теперь позволяет ей казаться только чистой амбивалентной идеей, божественным принципом, не уверен, но мне кажется, что, если бы я поцеловал ее, я бы держал в руках целый чертог человеческих сладострастий. Несомненно, скромность придает женщинам непобедимую привлекательность. Мое вожеление таково, что я тщетно пытаюсь скрыть это.

Сказав это, он бросился вслед пингвинам, раскидывая, толкая, и обгоняя их, пока не, достиг дочери Альки, схватил её руками за розовые шары, на которых сосредотачивались все вождеющие взоры пингвинов, и сгорая от вожеления и похоти, исчез вместе с пингвинкой на руках в прибрежной пещере.

Тогда пингвины поняли, что только что погасло Солнце. И святому Маэлю вдруг открылось, что это дьявол принял черты монаха Магиса, чтобы всучить развратные одежды дочерям Альки. Плотское искушение владело и старцем, и его душа была печальна. Вернувшись в свой Эрмитаж, он увидел маленьких пингвинок, шестилеток или семилеток, плоскогрудых и тонконогих, которые делали себе пояса из водорослей и ракушек и бродили по пляжу, подсматривая, не следят ли за ними мужики.

Глава II. ПЕРВЫЕ ПАРУСА (ПРОДОЛЖЕНИЕ И КОНЕЦ)

Святой человек Маэль испытывал глубокое отчаяние оттого, что первые покровы, возложенные на дочь Альки, предали пингвинскую скромность, и серьёзно отдалили пингвинов от служения ей. Тем не менее он сохранил в своём сердце замысел дарить одежду жителям чудесного острова. Вызвав их на берег, он раздал им одежду, которую принесли священнослужители Иверна. Пингвины получили короткие туники и бриджи, пингвинки – длинные платья. Но даже близко эти платья не произвели того эффекта, которое производило первое. Они были не такими прекрасными, пошиты были грубо и без особой искусности, и на них больше не обращали внимания, так как все женщины носили такие. Так как пингвины всё время готовили еду и работали на полях, у них вскоре были только грязные корсажи и замусоленные юбки. Пингвины нагружали непосильными трудами своих верных подруг, так что они обычно были схожи с дикими выючными животными. Они не испытывали сердечной смуты и безумных страстей. Их нравы были невинными. Инцест, очень распространенный, был здесь по-детски простодушен, и если пьяному юноше выпадало счастье изнасиловать свою бабушку, на следующий день он уже и не вспоминал об этом.

Глава III. Межевание Полей и Происхождение Собственности

Остров не сохранил своего прежнего облика, когда среди плавающих льдов в амфитеатре из скал обитал народ Пингвинов. Его снежный пик провалился, и остался виден только холм, с вершины которого открывался вид на берега Арморики, покрытые вечным туманом, и океан, усеянный мрачными утёсами, похожими на полуразрушенных монстров.

Проливы и промоины в его берегах теперь были очень широкими, берега – сильно и глубоко изрезанными, и его план напоминал теперь лист тутового дерева, источенного червями. Она вдруг покрылась соленой травой, приятной для стад, порос ивами, античными смоковницами и августовскими дубами. Об этом свидетельствует Беда Почтенный и несколько других авторитетных авторов.

На севере берег образовал глубокую бухту, которая впоследствии стала одним из самых знаменитых портов во Вселенной. На востоке, вдоль скалистого побережья, побитого пенящимся морем, простиралась пустынная полоса душистых болот. Это был берег Теней, где обитатели острова никогда не рисковали появляться, опасаясь змей, прятавшихся в дуплах скал, и боясь встретить там души мёртвых, похожие на языки пламени. На юге сады и леса граничили с теплой Гагарьей бухтой. На этом богатом берегу старик Маэль построил церковь и деревянный скит. На западе два ручья, Кланж и Сурель, поливали плодородные долины: Плитскую и Домбесовскую.

Тем не менее, однажды осенним утром блаженный Маэль, прогуливаясь по златочной долине Кланжа вместе с религиозным деятелем из Иверна по имени Буллох, увидел, что ему навстречу стремится целая орда разъярённых людей с камнями в руках. Со всех сторон слышались громкие крики и жалобы, поднимающиеся из долины в тихое небо.

И он сказал Буллоку:

– Я с грустью наблюдаю, сын мой, что жители этого острова с тех пор, как они стали людьми, действуют с меньшей мудростью, чем раньше. Когда они были птицами, они ссорились только в любовный сезон. И теперь они все время ссорятся; они ищут друг друга, готовые сражаться друг с другом как летом, так и зимой. Сколь мало осталось от этого мирного Величия, которое царило на собрании пингвинов, делая его похожим на Сенат мудрой Римской республики!

Посмотри, сын мой Буллох, со стороны Сюрели! Именно здесь, в этой прохладной долине сейчас находится дюжина пингвинов, занятых избиением друг друга лопатами и кирками, в то время как было бы лучше, если бы они вместо этого работали на земле. Ещё более жестокие, чем мужчины, женщины рвут когтями лица своих врагов! Увы! Сын мой Буллох, почему они убивают друг друга так свирепо?

– Из духа общности, отец, и сражаясь за своё будущее, – ответил Булок, – Потому что человек по сути своей предусмотрителен и склонен к общению! Таков его характер! Он не может жить спокойно без какого-либо присвоения вещей. Те пингвины, которых вы видите сражающимися, о мой повелитель, владеют землёй!

– Разве они не могут присвоить себе эти вещи с меньшим насилием? – спросил старик, – Во время борьбы они обмениваются обвинениями и угрозами. Я совсем не различаю слов! Они раздражены и злы, судя по тону!

– Они обвиняют друг друга в воровстве и узурпации, – ответил Булок, – Это общий смысл их разборок!

В этот момент святой Маэль, сцепив руки, вздохнул:

– Не видите ли вы, сын мой, – воскликнул он, – что один из них яростно рвёт зубами нос своего разбитого противника, а тот в этот момент проламывает голову женщины огромным камнем?

– Я всё прекрасно вижу, – ответил Буллох, – Сейчас они создают право, они основывают собственность; они устанавливают принципы цивилизации, обретают основы обществ и фундамент государства!

– Как это понимать? – спросил старик Маэль.

– Всё начинается с межевания полей!! Так зарождается любой общественный порядок и появляется полицейский инспектор! Ваши пингины, о мой повелитель, выполняют самые важные задачи цивилизации! Их подвижническая работа будет освящена на протяжении веков законниками, защищена декретами и подтверждена судьями!

В то время как монах Буллох произносил эти слова, большой белотелый пингвин с рыжим коком на голове, спускался в долину с булавой на плече. Подойдя к маленькому пингвину, с ног до головы опалённому Солнцем, который поливал свои салаты, Рыжий крикнул ему:

– Твое поле – мое!

И, произнеся это мощное слово, он обрушил свою гигантскую булаву на голову маленького пингвина, который упал мертвым на землю, возделанную его трудолюбивыми руками.

При этом шоу бедный святой Маэль содрогнулся всем телом и пролил обильные слёзы.

И голосом, подушенным ужасом и страхом, он обратился к небесам с вот такой молитвой:

– Боже мой, мой Господь, о ты, который принес жертвы юному Авелю, ты, который проклинал Каина, отомсти, Господи, за этого невинного пингвина, преданного закланию на его собственном поле, и заставь убийцу почувствовать убийственную тяжесть твоей милосердной руки! Найдётся ли это более отвратительным преступлением, более серьезным оскорблением твоей справедливости, Господи, чем это убийство и грабёж?

– Берегитесь, отец мой, – мягко сказал Буллок, – что то, что вы называете убийством и воровством, – это действительно война и завоевание, священные основы империй и источники всех добродетелей и исторического величия человека. Прежде всего подумайте, что, обвиняя великого пингвина, вы нападаете на фундаментальные основы собственности и самый принцип его происхождения. Я не собираюсь вам это доказывать! Возделывание земли – это одно, владение землёй – совсем другое. И эти две вещи не следует путать! Что касается собственности, то право первого владельца является неопределённым и плохо обоснованным! Право завоевания, напротив, основано на очень прочных основах! Он единственный уважаемый, потому что он единственный, кто уважает себя! Это свойство придаёт его славному делу уникальную прочность и основания. Всё рождается и сохраняется силой! В этом она священна и уступает только ещё большей силе. Вот почему справедливо сказать, что любой, кто владеет, благороден! Ибо он силен! И этот высокий рыжий человек, выбив дух из этого маленького пахаря, чтобы взять его поле себе, только что основал на этой земле очень благородный дом и династию. Я хочу поздравить его с этим!

Сказав это, Буллок подошел к большому пингвину, который, стоя на краю окровавленной борозды, опираясь на свою булаву.

И Булок склонился к Земле:

– Лорд Гретак, Грозный Властитель, – сказал он, – я пришел отдать дань уважения вам, как основателю законной власти и наследственного богатства!

Похороненный в вашем поле, череп мерзкого пингвина, которого вы прихлопнули, навсегда подтвердит священные права вашего потомства на эту освящённую вами землю! Да будут счастливы ваши сыновья и сыновья ваших сыновей! Они будут кланом Гретаков, Герцогов Черепанских, и они будут доминировать на острове Алька.

Затем, подняв голос, и обращаясь к святому старику Маэлю, он рёк:

– Отец мой, благослови богоявленного лорда Гретака! Ибо вся его сила исходит от Бога!

Маэль стоял неподвижно в полном молчании, подъяв очи к небу – он испытывал болезненную неуверенность в правильности суждений монаха Буллока. Однако именно это учение должно было преобладать в эпоху высокой цивилизации. Буллока можно считать создателем Кодекса Гражданского Права в Божественной Пингвинии.

Глава IV. Первые Органы Государства Пингвинов

– Сын мой Буллок, – сказал старик Маэль, – мы должны сделать подсчет количества пингвинов и записать имя каждого из них в Книгу.

– Нет ничего более срочного! – согласился Буллок, – Без этого хорошая полиция невозможна!

Тотчас же Апостол, при содействии двенадцати верующих, велел провести перепись народа.

И старик Маэль сказал тогда:

– Теперь, когда мы начали вести учет всех местных жителей, мой сын Буллок должен ввести справедливый налог, чтобы обеспечить государственные расходы и содержание аббатства. Каждый должен вносить свой вклад в общее дело! Поэтому, сын мой, созывайте Собрание старейшин Альки, и в согласии с ними мы установим налог!

Старейшины, будучи вызваны, собрались во дворе деревянного скита под Великой Сикоморой в количестве тридцати человек. Это было первое Общественное Собрание пингвинов. На три четверти оно состояло из крупных крестьян Сурели и Кланга. Греток, как самый благородный из пингвинов, уселся на самый высокий камень.

Почтенный Маэль занял место среди своих братьев монахов и произнес такие слова:

– Дети, Господь дает, когда ему угодно, богатства людям и когда нужно отнимает их. И вот, я собрал вас, чтобы возложить на народ подобающие взносы, дабы обеспечить государственные расходы и содержание Святой Церкви. Я считаю, что эти взносы должны быть пропорциональны богатству каждого! Итак, тот, у кого сто волов, даст десять, тот, у кого десять, пусть даст одного!

Когда святой человек заговорил, Марио, пахарь из Аниса-на-Кланге, один из самых богатых людей среди пингвинов, встал и сказал:

– О Маэль, отец мой, я считаю правильным, что каждый человек вносит свой вклад в государственные и церковные расходы! Что касается меня, я готов лишиться себя всего, что у меня есть, и даже ради братьев-пингвинов, если бы это было необходимо, я готов был бы от чистого сердца отдать своё последнее рубище! Все старейшины народа, как и я, готовы жертвовать всем своим имуществом, и нельзя сомневаться в их абсолютной преданности стране и Святой Церкви! Поэтому необходимо учитывать только общественные интересы и делать то, что они повелевают нам! Но то, что они повелевают, отец мой, что они требуют, – это не требовать многого у тех, кто обладает многим, ибо тогда богатые будут беднее, а бедные – станут совсем нищими! Бедные существуют благодаря богатым, посему Богатство Свято! Не трогайте его – это немилосердно и глупо! Если вы будете брать у богатых, вы не получите большой прибыли, потому что богатых мало, и вы, наоборот, лишите себя всех ресурсов, погрузив страну в нищету! В то время как, если вы попросите посильной помощи у каждого жителя, независимо от его благосостояния, вы соберёте достаточно средств для общественных нужд, и вам не нужно будет спрашивать о том, что имеется в собственности граждане, которые будут смотреть на любые расследования такого рода как на отвратительное оскорбление! Зарядив всех одинаково на одинаковые лёгкие налоги, вы избавите от бед бедных, так как оставите им блага богатых! И как можно было бы быть прогрессивному налогу

на богатство? Вчера у меня было двести волов, сегодня у меня шестьдесят, завтра у меня будет сто! У Ключника три коровы, но они тощие, у Никклы всего два, но они жирные! Кто из них, Ключник или Никкла богаче? Признаки богатства часто очень скользкие! Конечно, все пьют и едят! Возложите налоги на еду и питьё! В этом будет заключаться ваша потрясающая мудрость и справедливость!

Так сказал Марио под аплодисменты Старейшин.

– Я прошу, чтобы речь была выбита на медных табличках, – воскликнул монах Булок, – Это аванс на будущее, через тысячу пятьсот лет лучшие из Пингвинов не будут говорить иначе.

Старейшины по-прежнему аплодировали, когда Грета, возложив руку на рукоять меча, сделал краткое заявление:

– Будучи благородным, я не буду вообще вносить свой вклад, потому что вклад отвратителен по сути. За всё надо платить!

По этому мнению старейшины разделились половина наполовину.

Так же, как и в Риме, Перепись стала проводиться раз в пять лет, и с её помощью стало ясно, что население Пингвинии быстро растёт. В то время как дети умирали в чудесном изобилии, а Голод и Чума повторялись с предсказуемой регулярностью, опустошая целые деревни, новые пингины, множась все больше и больше, вносили своей нищетой свой посильный вклад в общественное процветание.

Глава V. Свадьба Кракена и Орберозы

В то время на острове Алька жил человек-пингвин, чья рука была крепка, а ум хитёр. Он называл себя Кракен и имел свое жилище на берегу Залива Теней, где обитатели Острова никогда не рисковали отходить далеко от жилищ, опасаясь змей, гнездящихся на дне ущелий, и сидели дома, боясь встретить в низинах души мертвых пингвинов-язычников, которые, подобно языкам пламени, вращая

огромные валуны, бродили ночью по пустынному берегу. Надо отметить, что среди Пингвинов было принято считать, хотя и без особых доказательств, что среди пингвинов, крещёных молитвами Блаженного Маэля, многие на самом деле не получили крещения и после смерти возвращались рыдать в шторма и бури. Кракен жил на диком побережье в совершенно недоступной пещере. Густые заросли скрывали вход в пещеру, за которым был тоннель длинной примерно сто футов.

Однажды вечером, когда Кракен путешествовал по пустынной сельской местности, он случайно встретил молодую пингвиниху, полную благодати. Это была та самая пингвинка, которую ушлый монах Магис приодел в облегающую тогу самой первой. В память о том дне, когда удивлённая толпа пингвинов увидела, как она славно убегает в своем платье цвета Авроры, эта дева получила имя Орбероза. (Примечание: что значит «шар», в поэтическом смысле – «глобус», употребительно в разговорах о небесных телах – «планетка»)

При виде Кракена она вскрикнула от ужаса и бросилась бежать. Но герой схватил ее за развевающиеся фалды, которые трепыхались сзади и обратился к ней с такими словами:

– Дева, как твоё имя? Чья ты дочь? Из какой страны?

Однако Орбероза с ужасом смотрела на Кракена.

– Вы ли это, мой господин, – спросила она дрожащим голосом, – или это ваша блуждающая душа?

Она говорила так, потому что все жители Острова Альки, не имевшие новостей о Кракене с тех пор, как он поселился в своей пещере на Берегу Теней, считали его мертвым и давно обретающимся среди ночных демонов.

– Перестань бояться меня, милая дочь Альки! – ответил Кракен, – Ибо говорящий с тобой – это не блуждающая душа, а человек, полный жизни и сил. Скоро я буду очень богат!

И молодая Орбероза спросила:

– И как же ты намерен, о великий Кракен, добыть большие богатства, будучи всего лишь пингином?

– Силой разума! – ответил Кракен.

– Я знаю, – сказала Орбероза, – что, когда ты жил среди нас, ты был известен своим охотничьим и рыболовным мастерством. Никто не сравнится с тобой в искусстве ловить рыбу сетью или бить птиц из лука!

– Это была всего лишь вульгарная и трудоемкая подёнщина, о моя милая юная леди. Я нашел другой способ получить большие активы без особых усилий¹ Но скажи мне, кто ты?

– Меня зовут Орбероза! – скромно потупившись, ответила девушка.

– Как ты оказалась так далеко от своего дома, ночью?

– Кракен, это случилось только по воле небес!

– Что ты имеешь в виду, Орбероза?

– Что небо, о Кракен, направило меня на твой путь, не знаю по какой причине!

Кракен долго смотрел на неё в мрачной тишине.

Затем он мягко сказал ей:

– Орбероза! Прошу тебя заглянуть в мой дом! Это дом самого гениального и храброго из сынов пингвиньих! Если ты согласишься следовать за мной, я сделаю тебя своей верной попутчицей!

Та, опустив глаза, прошептала:

– Я последую за вами, о мой господин!

Таким образом, прекрасная Орбероза стала верной спутницей великого героя Кракена. Завоевание её девственности не было отмечено песнями и плясками, потому что Кракен не собирался показывать себя пингвинам, дабы, спрятавшись в своей пещере, вынашивать великие замыслы.

Глава VI. Дракон Острова Альки

«Затем мы вошли в кабинет естественной истории... Администратор показал нам какую-то соломенную корзину, про которую он нам сказал, что там находится скелет дракона. «Это совсем не сказочное животное! – добавил он. (Мемуары Жака Казановы. Париж, 1843, т. IV, стр. 404, 405.)»

Тем временем жители Альки занимались мирным созидательным трудом. Те, кто жил на северном побережье, ходили на яликах ловить сетями рыбу и собирали ракушки в лагунах. Пахари Домбской Долины выращивали рожь, овёс, и гигантскую пшеницу. Богатые пингины Далльской Долины разводили домашних животных, а в Заливе Нырков дотошные садоводы взращивали пышные сады. Торговцы Порт-Алька занимались заготовкой и торговлей солёной рыбой. И золото двух берегов – Бретани и Британии, которое начинало проникать на остров по контрабандистским тропам, облегчало первые обмены. Народ пингинов наслаждался в глубоком спокойствии плодами трудов своих, когда вдруг из деревни в деревню побежал зловещий слух. Повсюду говорили, что ужасный дракон разорил две фермы в Заливе Нырков...

Незадолго до этого Дева Орбероза куда-то исчезла. О её отсутствии хватились не сразу, потому что задолго до этого ее несколько раз похищали жестокие, полные любовного пыла зрелые мужчины. И мудрецы не удивлялись этому, считая эту деву самой красивой из пингинок. Кое-кем было замечено, что она иногда сама стремилась в лапы своих похитителей, потому что считала, что никто не может избежать своей судьбы. Но на этот раз, не видя, как она возвращается удовлетворённой из очередного вражьего плена, жители наконец испугались, не дракон ли ее сожрал?

И жители Дальской долины вскоре осознали, что этот дракон не был досужей басней, которую рассказывали друг другу женщины, бродившие у фонтанов. Ибо как-то раз ночью монстр сожрал в деревне Анис шесть кур, овцу и маленького сиротского ребёнка по имени Маленький Эло. На следующее утро от животных и ребенка не осталось и следа.

Тут же старейшины села собрались на городской площади и расселись на каменные скамьи, дабы решить что делать в этих ужасных обстоятельствах.

И, назвав всех пингвинов, которые видели дракона в зловещую ночь, они спросили их:

– Вы видели его? Какой он по виду? Каковы его повадки?

И каждый отвечал по очереди:

– У него львиные когти, орлиные крылья и змеиный хвост!

– Спина у него вся в колючках!

– Он весь покрыт жёлтой чешуёй и слизью!

– Его взгляд завораживающе пугающ! Он изрыгает пламя!

– У него ядовитое дыхание!

– У него голова дракона, львиные когти, рыбий хвост!

Но одна из женщин из города Аниса, которая была в зрелой памяти и здравом уме, та, у которой Дракон украл трех кур, охарактеризовала его следующим образом:

– Он почти как человек! Увидев его сначала, я обозналась, что это мой муженёк, и сказала ему: «Иди спать, жирный увалень!»

Другие говорили:

– Он размером с облако!

– Он похож на гору!

Тут прлявился маленький ребенок и сказал:

– Дракон, я видел, как он снял с себя голову в сарае, чтобы поцеловать мою сестру Мини!

И старейшины снова спросили жителей:

– Сколь велик этот дракон?

И они ответил им:

– Большой, как буйвол!

– Как здоровенные торговые суда бретонцев!

– Он размером с человека!

– Он выше смоковницы, под которой вы сидите!

– Он большой, как пёс!

Наконец, спросили о его расцветке, и местные жители доложили:

– Красный, как Красное море.

– Такой, как море.

– Синий!

– Жёлтый, как Жёлтое море!

– У него голова красивого зеленого оттенка, крылья ярко-оранжевые, с розовым отливом, края их серебристо-серого цвета, круп и хвост полосатые, на спине его коричневые и розовые полосы, живот ярко-жёлтый, краплённый черными пятнами!

– Какой цвет? Он бесцветный!

– Это цвет дракона!

Услышав эти свидетельства, старейшины остались в полном недоумении, что делать. Одни предлагали проследить за драконом, испугать его и сокрушить множеством стрел. Другие, считая напрасным трудом сопротивляться силой столь мощному чудовищу, советовали умиротворить его подношениями.

– Давайте заплатим ему дань! – сказал один из них, проходя мимо мудреца, – Мы можем сделать его милостивым к нам, сделав ему приятные подарки, отправив ему фрукты, вино, ягнят, наконец подарив ему молодую деву!

Другие считали, что надо отравить фонтаны, где он обычно пьёт или извести ядовитым дымом в его пещере.

Но ни одно из этих мнений не прошло. Спор затянулся до ночи, и старейшины в конце концов разбрелись, так и не приняв никакого внятного решения.

Глава VII. Дракон Острова Альки (продолжение)

В течение всего месяца, посвященного римлянами своему ложному богу Марсу или Мавору, дракон разорил Далльские и Домбские фермы, похитил шестьдесят овец, двенадцать свиней и трёх мальчиков. Все семьи были в трауре, и остров переполнился рыданием. Чтобы предотвратить бедствие, старейшины несчастных деревень, которые снабжались водой реками Кланж и Сурель, решили собраться вместе и пойти сообща, чтобы испросить помощи у блаженного Маэля.

В пятый день месяца, название которого у латинян означает открытие, потому что он открывает год, они построились в шествие и отправились к деревянному скиту, который возвышался на южном побережье острова. В монастыре слышались рыдания и стоны. Смущенный их жалобами, старик Маэль высунулся из комнаты, где он занимался астрономией и медитацией Священных Писаний, спустился к толпе, опираясь на свою пастырскую палку. При его пришествии старейшины поклонились и протянули зеленые оливковые веточки. И многие из них стали возжигать ароматические травы.

И святой человек, воссев у монастырского источника, под древней смоковницей, произнес такие слова:

– О сыны мои, потомки пингвинов, отчего вы плачете и стонете так? Отчего вы протягиваете ко мне эти молитвенные ветки? К чему вы вздымаете дым благовоний к небу? Вы ожидаете, что я отведу от ваших голов какое-то бедствие? Зачем вы умоляете меня? Я готов отдать свою жизнь за вас! Просто скажите, что вы хотите от своего отца Небесного?

На эти вопросы Первый из старейшин ответил:

– о Маэль! Отец чад Альки! Я буду говорить за всех! Супер-ужасный дракон топчет наши поля, рушит наши конюшни и насилует в своем логове цветок нашей юности! Он съел ребенка Эло и семь молодых мальчиков! Он сжевал голодными зубами бедную Деву Орберозу, самую красивую из пингвинок. Нет деревни, не отравленной его ядовитым дыханием и не опустошённой им!

– Мы, о Маэль, взываем к тебе, как мудрейшему из мудрейших, молясь о спасении жителей нашего острова, дабы древняя раса пингвинов не погибла!

– О, Первый из старейшин Альки, – возразил Маэль, – твоя речь погружает меня в глубокую скорбь, и я стенаю от мысли, что этот беззащитный остров страдает от ярости ужасного дракона. Такой факт не уникален, и в книгах можно найти несколько очень свирепых историй о драконах. Эти монстры встречаются в основном в пещерах, на берегах вод и предпочтительно у языческих народов! Возможно, многие из вас, несмотря на то, что приняли святое крещение и были приняты в благородную семью Авраамову, продолжили втайне поклоняться идолам, таким как поклонялись древние римляне, или повесили изображения, скрижали с дьявольскими ликами, шерстяные полосы и цветочные гирлянды

на ветвях какого-то священного дерева. Или как пингвины танцевали вокруг волшебного камня и пили воду из фонтанов, населённых грязными нимфами. Если бы это было так, я бы поверил, что именно Господь послал этого дракона, чтобы наказать за все преступления некоторых из вас, дабы побудить вас, о, сыны пингвинские, истребить среди вас мерзкое богохульство, преступное суеверие и скверну. Поэтому я укажу вам, как средство избавления от великого зла, от которого вы страдаете, обратить взоры свои и тщательно искать идолопоклонство в ваших жилищах и, найдя его там, тщательно искоренять его. Я считаю, что также вы должны более эффективно молиться и почаще каяться в грехах.

Так говорил святой старик Маэль. А старейшины пингвинского народа, бухнувшись ему в ноги, возвратились в свои деревни, окрылённые надеждой.

Глава VIII. Дракон Острова Альки (продолжение)

Следуя советам святого Маэля, жители Альки устремились искоренить суеверия, проросшие среди них. Они озаботились, чтобы девочки больше не танцевали вокруг Сказочного Древа, произнося заклинания. Они сурово предостерегали молодых матерей от прикладывания своих младенцев, дабы сделать их сильными, к Идолам, воздвигнутым во многих поселениях. В колодец был брошен старик из Домбской Долины, который предвидел будущее, стряхивая зерна ячменя на сито.

Тем не менее, монстр продолжал разорять каждую ночь бедняцкие дворы и конюшни. Испуганные крестьяне забаррикадировались в своих домах. Беременная женщина, которая через окно увидела в лунном свете тень дракона на тёмной дороге, была так напугана, что тут же разрешилась от бремени.

В эти дни испытаний святой человек Маэль постоянно размышлял о природе драконов и о том, как бороться с ними. Спустя шесть месяцев учебы и молитв ему показалось, что он нашел то, что искал. Однажды вечером, когда он гулял по берегу моря, в компании молодого религиозного фанатика по имени Самуил, он выразил ему свою мысль в сих словах:

– Я подробно изучил историю и нравы драконов, не для того, чтобы удовлетворить тщетное любопытство, и удобрить своё тщеславие, а для того, чтобы обнаружить примеры, на которым следует равняться в нынешних условиях. И в этом, сын мой Сэмюил, и заключается вся полезность истории.

Это неоспоримый факт, что драконы крайне бдительны! Они никогда не спят! Поэтому их часто используют для охраны разных сокровищ. Они всегда охраняли храмы, клады и банки! Дракон охранял в Колхиде Золотое Руно, пока его не отбил у него Ясон. Дракон стерёг золотые яблоки в саду Гесперид. Он был убит Гераклом и превращен Юноной в небесную звезду! Этот факт фигурирует в книгах и если он истинен, то это произошло по волшебству, потому что боги язычников на самом деле – дьяволы во плоти! Дракон защищал от неотёсанных невежд влагу Кастальского Ключа. Следует также вспомнить дракона Андромеды, который был убит Персеем.

Но давайте оставим басни язычников, где бред постоянно смешивается с правдой. Есть и научно подтверждённые факты! Мы встречаем драконов в рассказах славного Архангела Михаила, святого Георгия, Филиппа, Якова Старейшего и даже Святого Патрика, а также Святой Марфы и Суперсвятейшей Маргариты. И именно в таких рассказах, достойных всякого пиетета, мы должны искать утешения и подсказки.

История Силенского Дракона даёт нам, в частности, чрезвычайно ценный пример. Вы должны знать, сын мой, что на краю огромного пруда, соседствующего с этим городом, обитал ужасный дракон, который иногда приближался к стенам и отравлял своим дыханием всех, кто находился на стенах. И чтобы не быть съеденным этим чудовищем, жители Силены каждое утро доставляли ему одного из своих граждан на съедение. Жертва при этом всегда определялась жребием! Судьба распорядилась так, что после ста съеденных, жребий наконец пал на дочь царя...

Святой Георгий, который был тогда военным трибуном, проходя через город Силен, узнал, что дочь царя только что была отведена к свирепому животному... Тотчас он вскочил на коня и, вооружившись копьём, поскакал навстречу дракону, которого настиг как раз в тот момент, когда чудовище уже готовилось сожрать королевскую Деву. И когда Святой Георгий одолел дракона, дочь короля завязала ленту на шее зверя, который последовал за ней, как собака на привязи.

– Ничего себе! Хорош поводок!

– Это даёт нам пример влияния внутренней силы девственниц на драконов. История святой Марфы дает нам ещё более убедительные свидетельства! Вы знаете эту историю, сын мой Сэмюил?

– Да, отец! – ответил Самуэль.

И блаженный Маэль продолжал:

– В Роавинском лесу, на берегу Роны, между Арлем и Авиньоном, был дракон полурыба-полузмей, более крупный, чем буйвол, с зубами, острыми, как у акулы, с рогами величиной с колокольню, и большими перепончатыми крыльями на спине. Он затопил все судёнышки и сожрал всех пассажиров. И вот, святая Марфа, вдохновлённая мольбами народа, подошла к этому дракону, которого она нашла за увлекательным занятием – пожиранием человека, и, связав свой пояс на шее дракона узлом, легко привела в город.

Эти два примера заставляют меня думать, что необходимо использовать силу какой-то Девы, чтобы победить дракона, коий сеет ужасы и смерть на острове Алька!

А потому, Сын мой Самуил, препояши чресла свое, я молю тебя, и с двумя товарищами своими, иди во все деревни на этом острове, и трезвонь везде, что только невинная Богородица сможет освободить остров от чудовища, которое его опустошает.

Пойте гимны и псалмы, и реки:

– О, сыны пингвинские! Коль есть среди вас Пречистая дева, пусть она встанет и, вооружившись крестным знаменем, и пойдёт одна сражаться с драконом!

Так говорил старик, и юный Самуил обещал повиноваться его мудрым рекомендациям. На следующий день он препоясал чресла свое и отправился с двумя спутниками, чтобы сообщить жителям Альки, что только невинная дева способна избавить пингвинов от чудовищной ярости дракона.

Глава IX. Дракон Альки (продолжение)

Орбероза любила своего мужа, но далеко не его одного. В то время, когда Венера загоралась в бледном небе, и Кракен шествовал, распространяя ужас по деревням, она устремлялась в маленький домик к молодому пастуху из Дальской Долины по имени Марсель, изящные формы тела которого притягивали её, как магнит притягивает железные опилки. Красивая Орбероза делила свои восторги с пастушком на увитом цветами ароматном ложе. Но, не желая выдавать своё истинное имя, она называла себя Святой Бригидой и именовала себя дочерью садовника из Птичьей Бухты. Когда она ускользала из жарких объятий, она медленно шла по дымящимся утренними туманами лугам, к Берегу Теней, то если ей случалось встретить какого-нибудь запоздалого крестьянина, она тотчас расправляла свои накидки, как большие крылья, и размахивая ими, словно большая птица, кричала:

– Проходимец, опусти глаза, дабы не пришлось тебе сказать потом: «Увы! Увы! Горе мне, ибо я видел Ангела Господня!»

Дрожащий селянин опускался на колени и бился лбом о Землю! И многие говорили на острове, что ночью на тропах летают ангелы, и увидевшие их, все тут же умирают!

Кракен игнорировал любовь Орбероза и Марселя, потому что он был истинным героем, а герои никогда не стремятся проникнуть в секреты своих жён. Но, внешне не обращая внимания на эту любовь, Кракен наслаждался ее ценными преимуществами. Он каждую ночь находил свою спутницу более улыбчивой и красивой, дышащей легко, выдыхающей сладострастие, пахнущей супружеским ложем и вкусным душком фенхеля и вербены. Она любила Кракена той любовью, какая никогда не становилась навязчивой или ревнивой, потому что не удовлетворялась ею одной.

И счастливая измена Орберозы вскоре должна была спасти героя от великой опасности и навсегда обеспечить ему состояние и славу. Потому что, однажды увидев в сумерках Бувье Бельмонта, который что было сил колотил своих волос, она полюбила его больше, чем когда-либо любила пастуха Марселя. Он был горбатым, его плечи поднимались над его ушами, его тело качалось на кривых ногах, его крысиные глазки катались маленькими искорками под зарослями его

густых волос. Из его горла донесся хриплый визг и резкий смех, она почувствовала запах конюшни. Однако от этого он казался ей ещё более симпатичным.

«Одному, как говорит Гнатон, любо растение, другому – река, третьему – дикая зверюга!»

И вот однажды, на чердаке избушки, где она стонала нежно и расслабленно между объятиями Бувье, вдруг раздались звуки труб, шум толпы, шарканье шагов, и её тонкие уши сразу уловили эти далёкие шумы, она посмотрела через окно и увидела местных жителей, собравшихся на Рыночной площади, вокруг молодого религиозного деятеля, который, поднявшись на камень, произнес ясным голосом такие слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/anatol-frans/ostrov-pingvinov>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)